

84
КМД
Альбина Самусевич

Королица
любви

Альбина Самусевич

КОРОНАЦИЯ
ЛЮБВИ

СТИХИ

Центральная городская
библиотека им. А. П. Чехова

Калининградская
ЦБС

Читальный зал

Издательство «Кладезь»
Калининград
2009

143125-1

УДК 882

ББК 84(2Рое=Рус)6-5

С 17

Самусевич Альбина Григорьевна

С 17 Коронация любви /Стихи. А. Самусевич, худ. С.Белоусова;
Калининград: Кладезь, 2009 – 168 с.: ил.

Б.Ц. – 300 экз.

ISBN 978-5-901597-48-3

Художник С. Белоусова

Книга издана при поддержке
Союза российских писателей

«КОРОНАЦИЯ ЛЮБВИ» – новая книга стихов Альбины Самусевич. Поэт возводит на трон ЛЮБОВЬ, доверяя ей свое мироощущение, свои мысли и трепет души. И любовь творит чудеса: «поет под ногами песок» на любимой Куршской косе, «цветет одуванчик на асфальтовой глади»... Радует глаз «местная экзотика»: красавец-лопух, певушь-лягушки в прибрежных затонах озер. В стихах А.Самусевич – мудрых, простых, иногда наивных много юмора, иронии и самоиронии («Капризы афоризмов»). Однако автор понимает, что «быть повитухой при рождении истины – дело серьезное».

Книги Альбины Самусевич хорошо известны калининградцам и в ближнем зарубежье. Стихи переводились на немецкий, польский и литовский языки. Они вошли во многие антологии, в том числе в сборник «Гении рифмы. 500 лучших стихотворений всемирной литературы».

© А. Г. Самусевич, 2009

© Иллюстрации С.П. Белоусова, 2009

© Оформление, макет: издательство «Кладезь», 2009

ISBN 978-5-901597-48-3

Пролог

* * *

Кто не знал любви смятенья,
не поймёт меня, увы!
Не поймёт души смущенья,
обращения на «Вы».
Лёгкого руки касанья...
Как вам это объяснить?
Встречи тоненькая нить
рвётся тихим: – До свидания!
Задрожит душа ответно,
закружится голова...
Я услышу в стоне ветра
долгожданные слова.
Станет вдруг цветок любой
отраженьем высоты!
Что же всё-таки – любовь?
Мостик между «Вы» и «Ты».

* * *

Считала, любовь – это небо,
где птицы свободно летают...
Мечтала, любовь – это небыль,
которой вообще не бывает.
Смеялась: жди – вылетит птичка
и снимок на память подарит.
Твердила, что есть привычка
и верность, которая старит.
Но однажды, вдруг оказалось –
двое нас в целом мире!
К плечу твоему прижалась,
чуть слышно сказала: – Милый!

* * *

Ты – мудрая Вечность,
я – ветренный миг.
Ты – сказочный вечер,
я – утренний миф.
Я – майская ветка,
ты – осени сад.
Я – чуткое веко,
ты – любящий взгляд!
В веках я – рабыня –
целую твой след...
Ты – звонкое имя,
я – имени Свет!

Песни сердца

ПОЮЩИЙ ПЕСОК

Замедлила я шаг у дюны,
услышав тихий голосок...
То под ногами пел песок,
веков перебирая струны.
Воскресли куршей грустные баллады
и бурь песчаных отголоски!
Почудился мне говорок московский,
звучавший близко, рядом.
Наречий разных голоса
сливались в дружном хоре,
и алой зорьки паруса
несли их дальше – в сине море...
И слово с уст моих в минуту эту
взлетело чайкой в небеса,
чтобы воспеть среди звезд – планету,
с названьем Куршская коса!

* * *

Легки, как лодки, дома на песке –
в миг любой готовы отчалить!
От шторма шального на волоске
их радости и печали...
Дома на песке, их строил чуждак,
взяв песни у моря в награду.
Песчаных гор золотая гряда –
найдешь ли красивой ограду?

* * *

Под ветхим пологом синих небес
царство дюн не знает покоя.
На Куршской косе – танцующий лес!
Где видел ты чудо такое?

Под музыку ветра пляшет сосна,
в вихре танца застыла ива...
И бредит покоем морская волна,
взирая на гладь залива.

* * *

По воле бесов шторм разбужен,
качнулись берега волнам вослед.
Песчаных дюн горбы верблюжьи,
сливаясь с морем, прячутся в рассвет.
Поют песчинки под ногами
мелодии восточных пруссов...
А море повторяет гаммы,
бросая щедро янтари на бусы.

* * *

Стирает море Времени следы,
волнует ум мой и воображенье:
как фуги Баха, как Босха холсты —
необъяснимо его притяженье!
Неукротима морская стихия,
в лоно ее устремляются реки...
О море Варяжском пишу стихи я,
как будто иду «из варяг в греки».

* * *

Гостеприимный дом у дюн,
с открытою душой и дверью...
Располагает все к доверью
и написанью звонких рун.
Мой светлый «Домик рыбака»,
мой томик неоконченных стихов...
Останется ли хоть одна строка,
распахнутая для веков?

* * *

Застыл корабль на горизонте,
тень женщины на берегу...
Ее забыть я не могу –
откуда у нее мой зонтик?
Все дальше от меня она уходит,
но почему светла моя печаль?
А ветер с моря колобродит,
срывая с памяти вуаль.

СВЕТЛОГОРСК

Курортный городок с названием
древним – Раушен,
что значит в переводе – шелестящий.
Я вижу вдалеке,
из-под шелома Башни –
рыбацкий сейнер, по волне скользящий.
А ближе к берегу два лебедя плывут –
как прикроватный коврик
в стиле «ретро».
Неведомо откуда занесло их ветром,
чтобы украсить грёзой мой этюд.

ВДОХНОВЕНИЕ

Прорастет весной сквозь века
живое, древнейшее слово
и вернется к морским берегам
моему повинуюсь зову...
Приду я к морю однажды,
и, умирая от жажды,
подобно апрельскому соловью,
тихо выдохну: – Ай лав ю!

Буду петь пересохшим горлом,
жажду любви утолив...
И подхватят той песни мотив
божьи ангелы в высях горних.
Растворюсь я в синем просторе
или стану зеленой травой?
Но останется голос мой
на тропинке, ведущей к морю.

МЕРТВЫЙ ЛЕС

Отмыло море берег добела,
и обнажились корни и стволов остатки...
Здесь лес когда-то был, и жизнь была,
и курши пили мед «с устатку».
А после лес тот занесло песком,
и море хлынуло на сушу.
Смотрю и думаю лишь об одном,
как лес кричал: – Спасите наши души!
Но не могли его услышать люди,
они покинули свои дома,
спасаясь от песчаной бури лютой...
Все поглотила ночи тьма.
с лица земли исчезли курши,
давно зарос травой их след.
Но пробивается сквозь травы – свет:
по миру странствуют их души.
Их голоса доносит ветер,
в легендах и стихах народ воскрес,
как этот мертвый древний лес
из моря вышел на рассвете.
Пророс он в наши времена,
как колокол живущих ныне будит,
ушедших вспоминая имена,
и песни куршей снова слышат люди.

УЗЫ ДРУЖБЫ

«От Литвы – оплечье Новгороду» * –
день грядущий увидел Даль,
сорвал он с вечности вуаль,
жить без ссор завещал нам от роду.
На земле под одним небом
наши души Балтика пестует,
и несет сквозь века Неман
древние дайны и русские песни...
Калининград и Клайпеда – два порта.
Бороздить моря их судам!
– Семь футов под килем вам, –
говорю я, стоя у борта. –
Вам быстреешего возвращенья
к росистым лугам и друзьям.
В мир земного коловращения,
к тихой речке и карасям.
Я когда-то бывала в Ниде,
друг литовский меня встречал...
Старой дружбы не рвутся нити,
и грустит в разлуке причал.
Витаутас Брянцис, «веселый амиго», –
Мне автограф оставил в книге:
«Альбина, группа крови у нас – одинакова».
Стала надпись во времени – знаковой!
Мой стих в Литву волна занесла,
его перевел Римант Черняускас.
... Двое в лодке, и плеск весла –
век божьим словом связал нас.

*) Из сборника пословиц и поговорок В. Даля, автора толкового словаря русского языка

О РИФМАХ И НЕ ТОЛЬКО...

Звонкие рифмы нужны так стихам,
чтобы слогу слог был созвучен.
Но, видно, настройка нужна и нам,
чтобы слышать друг друга получше.
У каждого свой камертон,
озвученный нотой «ля».
Проверяем мы каждый тон,
исключения фальши для.
Спесивое слово иль ложный звук –
ни дружбу, ни стих не украсит...
Почувствуешь ты неискренность вдруг,
и музыка в сердце гаснет.
Мелодии нет без чистого звука,
его зарифмую я с сердцем друга!
Лишь это созвучье волнует кровь!
... Требуется точной рифмы – л ю б о в ь .

* * *

Уходит в века окоем,
два города в сердце моем
незримо рядом стоят:
Кенигсберг и Калининград!
Воспеты в стихах и балладах
поэтами древней земли,
чтоб внуки ее полюбить смогли –
вот лучшая сердцу отрада!

РОДНЫЕ МЕСТА

Дом подарил мне древний город,
который стал давно родным.
В своих стихах его я слышу голос,
и хорошо мне петь дуэтом с ним.
Смешение эпох и стилей,
спортивных яхт белеют паруса...
Уходят в небо храмов шпили.
Залив и море.

Куршская коса.

Скрывают дюны даль веков,
вдоль берега растёт смородина.
А у залива – лодки рыбаков,
и тихий свет в оконце...

Родина.

НОВОСЕЛЬЕ

Так рада дому новому семья,
устав скитаться по чужим углам.
Все тяготы с жильем – известны нам,
их в полной мере испытала я.
Исколесив Россию вдоль и поперек,
в Калининграде обрела я крышу.
– Он Кёнигсбергом называться мог, –
от друга я в Германии услышу.
Калининград прописан в дне вчерашнем,
но он рожден Победой нашей –
росток, на ветке времени привитый.
Укрывшись под его зеленой кроной,
мы и свои пустили глубже корни,
поверив в счастье на руинах быта.

ПАРАД ПОБЕДЫ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

9 мая 2008 года

Во имя огненных тех дней,
за все страдания – награда...
Парад Победы – апогей,
нам вечно помнить сорок пятый!
Во имя всех, кто не вернулся,
и вспомнив беспримерный подвиг ваш,
застывший строй вдруг всколыхнулся,
и зазвучал победный марш.
Шли моряки, пехота, летчики...
Вставала вся страна за их спиной,
и видели мы вновь воочию,
как наши деды и отцы шли в бой...
И мы идем сегодня с ними,
по Красной площади идем.
Победы нашей свято имя,
и это знает каждый дом.
Парады пышные – дань старине,
они истории всей отраженье,
от войн кровавых – отречение...
МИР – МИРУ, НЕТ – ВОЙНЕ!
В стихах риторiku я возвожу на трон.
Мой строгий критик, ты ее не тронь,
внимай ее возвышенному слогу.
И, вопреки себе, шагай со всеми в ногу!

СВЕТ-РОССИЯ

Свет-Россия – в веках провидица,
с колоколенки дней взирает...
Россиян из глубоких провинций
под свое крыло собирает.
Прирастает двор градами-весями,
да на разных наречьях песнями.
Словечком бойким и хороводами –
красна Россия народами!
Малая родина и – великая,
душою щедрая, яснолика.
Прошла она путь от Руси до России,
обрела свободу и силу,
научилась вновь и ходить, и падать,
вернула милой земле – память!
Вся в грядущий день устремилась,
как дитя в рубашке на вырост.

ВОСПОМИНАНИЕ

Я слушала Гуляева однажды,
соединял в себе он времена,
называя авторов всех песен имена.
Он пел, не утоляя нашей жажды,
пел вновь «на бис», лишая нас покоя,
и мне слова той песни не забыть:
«Сердце, как хорошо, что ты такое.
Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»

Композитор, поэт и певец –
мы слышим биение их сердец
в песне весёлой или печальной...
Эта встреча для нас не случайна.
Аплодисменты певцу достаются,
когда три голоса в один сольются.
И запоёт твоя душа,
божественным творением дыша...
И старый фильм* твоим кумиром станет,
волнуя кровь, бросая сердце в дрожь.
«Любовь нечаянно нагрянет,
когда её совсем не ждёшь».

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Летний ливень вымыл улицы,
и проступило небо с облаками
в зеркале веселой лужицы,
что расплескалась меж домами.
И засверкала тысячами радуг
невзрачная зеленая лужайка!
Заполонила сердце – радость,
и стало стынущему сердцу жарко.
Увидев небо под ногами,
я не узнала старый город...
Был он красив и снова молод!
И я вдруг поняла – живу стихами.

*) Песня из кинофильма «Весёлые ребята». Музыка Исаака Дунаевского, слова Василия Лебедева-Кумача, первый исполнитель Леонид Утёсов. Затем её постоянно пел Юрий Гуляев.

КОРОНАЦИЯ ЛЮБВИ

Услышав в сердце колокольный звон,
в смятении решает каждый сам,
как возвести любовь на трон...
Но открывается не всякому Сезам.
Под ливнем солнечным сердечных струй,
могу молчание понять я,
и робкие принять объятия,
и даже дерзкий поцелуй!
Передают нам чувств безбрежность
прикосновенья губ и рук,
заманивая нас в свой круг –
всё побеждает сердца нежность.
Я трепетный твой взгляд ловлю...
Но он лишь праздника – предвестье,
он – града стольного предместье
для слова венценосного
люблюю!

* * *

Не просила тебя я о встрече,
день и ночь мечтая о ней...
Навсегда запомню тот вечер –
ты сказал мне: «Будешь моей».
Я застыла в твоих объятиях,
растворяясь в вечерней мгле.
Весь мир захотелось обнять мне,
целовать твой след на земле.
Захотелось мне стать дорогой,
льнуть пылинкой к твоим стопам.
Захотелось ни мало ни много:
с тобой под венец – в Храм.

173125-1

Я тебя ни о чем не просила,
шла в обнимку с тобой по весне!
Лишь однажды как-то спросила:
– Ну что ты нашел во мне?

ЖЕЛАНИЕ

Хочу быть жрицей, гейшей, прачкой –
хочу служить тебе.
Сутаной быть и утюжком горячим,
разглаживать заломы на судьбе!
Хочу шкатулкой быть для писем,
листом бумаги для письма.
Хочу писать тебе сама,
рассыпав буквы, как бисер.
Хочу цветком быть, вазой, чашей,
которые ты любишь и хранишь,
и уголком заветных ниш:
ты в них заглядываешь часто...
Я разговор веду с собой,
и мысленно с тобой повенчана...
Хочу единственной быть женщиной,
любимой тобой!

ВЕСЕННЯЯ МЕЛОДИЯ

Весною пахнет все сильней,
теплее воздух и земля,
и небо с каждым днем синей,
в полях проснулись зеленя.
Озвучат скоро сад скворцы,
и станет вновь крылатым – слово!

Апрель и май, как близнецы, –
разнятся лишь одежкой новой, –
корнями, кронами сплелись,
мечи сменивши на орало,
лиственной резною покоряют высь...
И каждый метит – в генералы!
А рано утром соловей
запел во весь свой голос,
вороний хор, заткнув за пояс,
кумиром стал округи всей

СЛОВО О СОЛОВЬЯХ*

I

Узнала я недавно,
что соловьяха не поет:
нет у нее вокальных данных,
она лишь продолжает род.
Так по велению природы
выводит соловьев мужского рода,
и безголосых дочек – соловьих...
Но будут трели лучшие –
звучать для них!
Открыли мне секрет друзья:
поет подружке соловейка холостой,
её чарует он сонатой непростой,
чтобы в ответ услышать: – Я твоя.
... Забудет скоро песни соловей
в сиреновом дурмане Бытия,

*) Существует поверье: соловьяха не поёт, а завлекает её песнями соловей, пока не заведёт семью. И ещё – соловей не поёт на розе.

с подружкой гнездышко деля, –
корм в клювике носить он будет ей.

Я видела не раз,

как сад благоухает

и соловьиным трелям рад...

И только роза бедная вздыхает,
встречая соловья холодный взгляд.

2

Ты тоже заливался соловьем,
когда сидели мы под яблоней вдвоем:

и обещал всю жизнь меня любить,

и предлагал мне соловьиной быть!

Пленил в саду гитарный перезвон,

затихла я в объятиях твоих...

Но – это был уже не сон,

от песен тех родился стих.

Соловушка мужского рода,

Из племени он певчих птиц...

И, зная, лететь ему поверх границ,

ведь нас сосватала сама Природа.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Друг другу раньше слали мы открытки,

писали письма на семи страницах

о том, какие пьем напитки,

и как живем, и что нам снится...

Теперь мы чаще говорим по телефону,

все тайны доверяя микрофону,

иль, в крайнем случае, шлем СМС-ки

в соседний дом иль город энский!

У каждого – мобильник личный,
его как друга привечаем.
Меняем нрав свой и обличье –
и перемен в себе не замечаем.
Зовет нас в гости дикая природа:
но сегодня на усадьбы мода.
И говорит мне друг на ушко:
– У меня свой пруд, свои лягушки!

ГЛАВНЫЙ ПРИЗ

Внучке Катише

Когда тебе семнадцать лет,
у ног твоих – весь белый свет!
С любым цветком ты можешь целоваться,
когда тебе – с е м н а д ц а т ь .
Твоим словам весь мир внимает,
и даже тот, не встреченный тобой,
с твоей повенчан он судьбой,
и сам пока того не знает.
Тебе сегодня семь плюс десять,
и день шестой недели,
и март – весенний первый месяц –
пятнадцатый свой день с тобою делит.
Исполнит твой любой каприз,
шепнув тайком на ушко маме,
и в миг – исполнится желанье...
Семнадцать лет – твой главный п р и з .

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Петрарка в восемнадцать лет
Лауре первый посвятил сонет,
ей подарив – любви седьмое небо!
С тех пор стал стих насущным хлебом.

Лорелея мне песнь напевала,
и я до утра пребывала
в компании дружной пиитов!
... Но, и я ведь не лыком шита.

ДЛЯ СЕБЯ И ДЛЯ ВСЕХ

*«У каждого своя жизнь.
Следуй своей цели
с верой в себя,
и все получится».*

Неизвестный японский автор

У каждого своя жизнь:
свой дом, своя семья, своя работа,
о доме и близких своя забота –
у каждого своя жизнь.

Следуй своей цели
на работе, дома, в пути,
радуйся ей или грусти –
следуй своей цели.

С верой в себя

путь свой осилишь!

Живи в Японии или в России –
с верой в себя.

И все получится!

Возьми судьбу свою на поруки,
продолжат твой путь дети и внуки –
и все получится.

У каждого своя жизнь,
своя боль, свои слезы, свой смех,
но свет в окошке души – для всех!

У каждого своя жизнь.

ВСТРЕЧА С МОРЕМ

Почему я о море тоскую,
расставаясь надолго с ним?
Бег времени неумолим –
я его потерять рискую!
Как о море мне рассказать?
Лучше ещё раз увидеть,
как умеет оно ласкать,
как может оно ненавидеть.
О море нельзя написать,
ведь оно непредсказуемо:
может вмиг подлежащим стать,
а может – остаться сказуемым...
Сделает лихо тебе предложение
и объяснится в любви,
и вдруг – отменяет решение,
берёт обратно слова свои.
Рада встрече я с ним от души:
голубой огонь мне – не потушить!
Вновь вижу, слышу его, осязаю
и люблю... А за что – не знаю.

ЛУННАЯ АНТОЛОГИЯ

В полночной тишине Л у н а сияет,
притягивая водные пространства...
А не она ли – Муза странствий,
и в нас бродяжий дух вселяет?
Морских приливов и отливов
читаю я а н т о л о г и ю!
Знакомы мне творенья многие:
поэтов местного разлива,
того вина нездешнего, заморского,
которое вкушал Омар Хайам.

Поэты моря и аула городского
издревле почитали Моря Храм.
Дарила вдохновенья им Селена,
сулила тайны приоткрыть свои,
прельстив приливами любви,
увидев свет в строке нетленной.
Бутылка рома крепкого, ямайского,
прибоем брошена на берег...
Её послал, быть может, Беринг,
как ветку яблони из сада райского.
«От моря сего» – Балтийского –
в кругосветке друг побывал
и в антологии он не скрывал,
с Луной общенья близкого.
Он с нею пил «на брудершафт»
нектар ночного вдохновенья,
и море пенилось, дыша,
в его стихотвореньях.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

День выходной – суббота:
предаюсь желаньям благим...
Сочиняю утренний гимн,
у рассвета взяв первую ноту.
Развожу я блины на кефире,
добавляю сахар и соль.
А мой «двойник» играет на лире,
без труда берёт «до» и «соль».
Вот блины уже на столе –
нет вкусней их с липовым мёдом!
А солнце тихо идёт по Земле,
венчая утро восходом.

и сорван нежными руками Той,
что о любви счастливой пела,
любуюсь жизни красотой,
и мне те песни подарить успела!
Как видишь, роль моя невелика:
во мне – природы совершенство,
но я – лишь проводник блаженства,
соединяющий века.

НА КАЧЕЛЯХ

То вверх, то вниз... То вниз, то вверх
взлетают старые качели!
Шум, шутки, детский смех
летят в «пустоты Торичелли».
Скрипят качели: взлёт – паденье...
На миг один задумался Ньютон:
в упавшем яблоке увидел он –
закон земного притяженья!
Но вечен дух сопротивления:
моя душа стремится в высь,
а плоть всё держится за землю,
и внемлет ей благая мысль.
То слёзы счастья вдруг прольются,
то в омут погрузит тоска...
Вся жизнь – качельная доска,
и во дворе то плачут, то смеются.

ПРОЛЁТЫ ЛЕСТНИЦ

Куда ни глянешь – всё ступеньки:
взлетала вверх по ним, спускалась вниз...
За просто так, а не за деньги,
дарила мне пролёты жизнь.

По вертикали делая зигзаги,
то падала, то вновь вставала я.
Остались памятные знаки
на тех ступеньках Бытия!
По трапам поднималась к облакам,
по сходням уходила в океаны.
На Шипку я взбиралась по векам,
застыв в молчании на поле брани.
Двухсот ступеней стоила победа,
сплотившая болгар и россиян,
рассеяв недоверия туман,
добавив миру больше света!
Потёмкинскую лестницу в Одессе
взяла я штурмом в миг один!
Стояла, размышляя здесь я,
о тех, кто не добрался до вершин...
Ведь есть подвалы, катакомбы, шахты,
их называют «жизни дно».
Лишь сделаешь неверный шаг ты,
и поглотит тебя оно.
Тебя потянет дальше вниз...
И ты, пройдя все круги ада,
найдёшь во тьме нить Ариадны –
двойное дно имеет жизнь!

ЦВЕТОК НА КАМНЕ

Я когда-то была глазастой:
видела далеко впереди...
Но некто свет мне однажды застил;
приказал: – Под ноги гляди!
Лежала тропа под ногами –
окурки да серые камни,

скакал воробей по дорожке,
сновали бродячие кошки.
Пугало меня окруженье...
Я желала всем благодати,
но, что я могла дать им,
имея лишь толику зренья?
Я шагала, под ноги глядя,
во все заглядывала щёлки,
И вдруг на асфальтовой глади
цветок я увидела жёлтый!

Одуванчик тянулся к свету:
весёлый, маленький, воздушный...
Он просто радовался лету,
став для меня

в беде – отдушиной.

На сказочного гномика похожий –
цветок на камне много значил.
Он подарил мне день погожий
и поделился оком зрячим.

РОЖДЕНИЕ ИСТИНЫ

С у щ е м у издавна ставят барьеры,
назначают проверку временем...
Но плод во чреве мысли беременной
в жизнь свою не теряет веры!
Заморыш, молча, готовится к выходу –
маленький, сморщенный и всё ж –
великий!

В своём появлении видит он выгоду,
спасая весь мир от ошибок к р и к о м!
Находит Сущее путь единственный
к сердцам, заблудшим
во множестве мнений.

...Быть повитухой при рождении
и с т и н ы –
дело серьёзное, без сомнений.

ЗЕМЛЯНИКА ПОД СНЕГОМ

Ларисе Прибрежной

Желаньям нашим нет предела,
и этим, видно, жизнь красна!
Когда в согласии душа и тело –
среди зимы придёт весна...
Наступит раньше срока лето,
коль этого захочешь ты.
Придёт январь к тебе с букетом,
исполнит блажь любой мечты!
– Хочу поплавать я с дельфином, –
однажды ты призналась мне.
Дыша желанием невинным,
ты пребывала в сладком сне!
Что это – прихоть, страсть, причуда?
Ей было трудно объяснить,
что это всё – желанье жить,
иль просто –

о ж и д а н ь е ч у д а!
Желаний тайных список длинный,
и он с годами всё длинней.
...Она поплавала с дельфином,
слетав в Москву на пару дней!
Мне за желаньями уж не поспеть,
давно не заношу их в списки.
Хочу лишь одного – глазами близких
на многоликий м и р смотреть.

Мой зоркий взгляд – не тот уже:
беду и радость я делила с Веком...
Как много снега на душе,
но землянику –
я найду под снегом!

ВО СНЕ И НАЯВУ

Мне приснился сон вещей:
сбежали от меня вещи –
я стала свободной от быта!
Стою, летним ливнем омыта,
вскоре вся до нитки промокла,
мне под крышу бы надо...
Но свобода, как меч Дамоклов,
висит надо мной, и я рада!
Что делать с ней, я не знаю,
лишь душой её осязаю –
я свободна, как вольный ветер,
и меня нет счастливей на свете!
Я проснулась... Была суббота,
не надо идти на работу.
Свой сон я вспомнила вещей,
и стала выбрасывать старые вещи.
Расставалась с ними без боли –
будет меньше в шкафах моли!
Сумки, тапки – в мусоропровод –
для этого веский был повод.
Вдруг заплакал плюшевый мишка –
у меня он защиты просил,
и стеклянным глазом косил...
Я опомнилась: – Это уж слишком!
Без тебя, как же можно?!

Прижимая его к груди,
я шептала другу: – Прости!

...Быть свободной от всех – невозможно,
вещий сон оказался ложным.

ТРЕТЬЕ ОКО

У каждого – к Храму своя дорога...
Кто-то сразу найдет путь,
кто-то – после.
Дарует Господь незрячему п о с о х
и говорит: – Вот твое третье око!
Человек, потерявший зрение,
обретает взамен п р о з р е н и е,
Постигает он жизнь на ощупь,
на вкус,
слово Божье слышит
из первых уст!

О СТИХОТВОРЧЕСТВЕ

Писать стихи – дело нехитрое,
если владеешь рифмой и ритмами
и если перо бумаге покорно.
И коль в строке – словам тесно,
а мыслям просторно!
Но все это – прописные истины...
Вся суть – в слове единственном,
замены которому нет.
Лишь оно прольет свет
на предмет или явление,
но его не найдешь без вдохновения!

Много прихотей у поэтов,
есть и свои небольшие секреты:
любят они надевать маски;
скрывать лик под псевдонимом;
обожают сгущать краски,
входя в образ шута или мима;
любят видеть в малом – великое,
воспев трудоголика-муравья,
узрев в нем строителя Бытия –
и становится стих – реликвией!
Поэзия – радужный остров,
сотни оттенков в ее палитре.
Писать стихи – дело нехитрое,
но стать П о э т о м непросто.

О КУЛЬТУРЕ

Культура веков – есть культ Солнца,
и ей брать верх над властью Тьмы.
Сильна она местоименьем Мы,
не гаснет свет в её оконце.
Жизни отблеск – вся литература,
холст оживляют радужные краски.
И встаёт мальчишка на котурны,
чтобы дорасти до гоголевской сказки.
Мир озарён улыбкою Джоконды
наперекор всем войнам и интригам.
Нам дарят свет картины, книги
и музыки божественной аккорды.
Спешит перо моё воспеть
Кремль, Кижи, Храм Василия Блаженного.
Поэтов и писателей «шаги саженьи»,
но необъятное объять мне не суметь.

Третьяковка, Эрмитаж и залы Лувра
бесценные сокровища хранят.
Прописана издревле в них КУЛЬТУРА –
немеркнувшее солнце Бытия.

СТИХИ В СТОЛ

Жанне Астер

Ценю П о э т а,
как швею, за с т р о ч к у
в одеждах, сшитых на века!
За вдохновенье я плачу в рассрочку –
шитьём обновки для стиха...
Я – скопище эпитетов, метафор,
во мне поют и стонут времена...
Я, может быть, одна из древних амфор,
изъятая из недр морского дна.
Храню в сосуде тонкостенном
я шум лесов и шелест трав,
империй взлёты и падения,
и дней моих суровый нрав...
Держали в амфорах вино,
и стоило оно дороже хлеба!
Хочу, чтобы стихи пьянили, но –
бесценной красотой Земли и Неба,
бескрайностью полей и высей горных,
нектаром в чашечке цветка...
Сильней вина пьянит строка,
вселяя радость, скрашивая горе.
Вкушаю жизни дикий мёд
и вспоминаю ранний стих Марины:
«Моим стихам, как драгоценным винам,
настанет свой черёд».

РОДНАЯ РЕЧЬ

...Свобода, Честь, Отчизна, Вера –
слова по духу гулливеры.
А есть слова – от плоти плоть:
червь, пашня, плуг, оброть...
Они имеют родственные связи:
плуг с пашней дружат с давних пор;
и жить по чести ты обязан,
скрепив с Отчизной договор.
О ней нам дорого словечко,
не расстаёмся с Родиной нигде:
с ней – в радости, и с ней – в беде.
Отчизна – в небе Божья свечка.
Души обитель – слово н е б о,
к нему свой устремляем взгляд.
Мы живы – не единым хлебом,
в словах простых – любовь и лад.
И вдруг я слышу слово «б р е н д»!
Не знаю, с чем его едят,
но все о нём лишь и твердят,
забыв о русском языке в момент!
Летят слова, не ведая границ,
им не нужны ни паспорта, ни визы...
И мы внимаем их капризам,
и падаем пред новизною ниц.
А наш «великий и могучий»
на нас лишь смотрит свысока.
Иван Сергеевич издалека –
писал для нас на всякий случай.
Хранил он родниковость русской речи,
слов кротких грусть и нежность.
Я верю – утро, мудренее вечера...
Прости нас, русская словесность!

МЫСЛИ ВСЛУХ...

Всё чаще слышу говорят,
что и м я человеку лишь обуза, –
не проще ли присвоить н о м е р а,
избавив нас от нравственного груза?
Но эта мысль идёт вразрез с натурой:
исчезнут совесть, стыд и честь...
Нас уравниют с денежной купюрой,
а им конца и краю несть!
И будем мы рождать себе подобных –
бесчувственных и твердолобых,
способных прошибить все стены лбом,
найти лазейку в омуте любом!
Наступят славные деньки,
и канет в Лету имя.
К себе примерим мы лицо д е н ь г и,
набив карманы пачками тугими.
«Войну и мир» не станем мы читать –
оценим по количеству страниц,
учиться будем лишь считать,
став просто суммой е д и н и ц!
Числом, не помнящим родства,
не знающим ни имени, ни отчества...
Нам окунуться в прошлое захочется,
вернуть на и м я д о б р о е права!

ДВЕ ПРИТЧИ*

1. Заблудившийся в пути

Скиталец к людям шел без фонаря
о Диогене зная, между прочим...

Вставало солнце, свет даря.

Луна дробила темень ночи.

Вокруг хватало всякой тьмы:
среди бела дня – висели хмари...

Достал заблудший из сумы
свечи оставшийся огарок.

По бездорожью шел кружа,
пока свечу бураны не задули.

Окоченела на ветру душа,
но были живы и бессмертны

думы!

Он больше двигаться не мог
и закричал, не думая о чуде...

С в е т и л ь н и к с л о в а –
он зажег,

и был спасен, и вышел к людям!

2. Поэт и мудрец

– Что цените Вы больше –
глупость или мудрость?

Хочу я получить ответ.

Мудрец подумал и сказал:

– Я жду Вас утром,

когда зари забрезжит свет...

Ночь, не спеша, ушла и погасила звезды,
и наступило утро, наконец!

*) Притча – малый жанр литературы поучительного или сатирического характера, бытовавший в России в 17-18 вв. Небольшое, схожее с басней, произведение в стихах или в прозе.

– При свете дня всё сложное – так просто, –
озвучил мысль свою мудрец.
Нам мудрость ночи оценить нетрудно:
должна природа экономить свет.
Но мне милее розовое утро,
и я готов бежать за ним вослед!
Глупее я не стал от мысли несерьезной,
и званье мудреца не потерял.
Не видел я цветка, прекрасней розы,
но полевой ромашке сердце я отдал.

БАСНЯ

Послал Господь мне сине небо,
и вручил для песен лиру,
чтоб не казалась жизнь мне сирой
и стали песни слаще хлеба!
Лесок я лирой ублажала,
ко мне на песнь слетались птицы...
Но тут как раз лиса бежала,
в надежде птицей поживиться.
Меня увидев, завопила,
что с детства музыку любила
и вот – нашла то, что искала.
Она мне лестью слух ласкала:
– Голубушка, как ты красива!
Твои глаза, как небо сине,
и песни больно хороши –
поешь ты просто, от души!
Но все ж звездой тебе не стать –
дай мне на лире поиграть.
Со мною куры будут знаться –
я попаду при жизни в рай...

И я сказала ей: – Бери, играй!
Лисица струн коснулась лапой,
но лира песни все забыла:
то ль память оказалась слабой,
то ль музыкантшу не взлюбила?
Дарили струны людям радость,
и пели, не корысти ради,
им чужды были хитрость и расчет.
– Испорчен инструмент, он не поет, –
лиса сказала, лиру мне отдавши.
Она ушла, не солоно хлебавши.
Молчала лира день-другой
и вдруг запела под моей рукой
во благо луга, леса, неба,
другой в душе не зная требы,
и прорастали сквозь века слова...
Мораль сей басни такова:
раздай весь скарб – в нем мало прока –
и босиком иди по миру...
Но никому не отдавай ты лиру,
тебе дарованную Богом.

ХОРУ «КРЕДО»

Т.М. Максимовой

Люблю я слушать хоровое пенье...
Притихший зал, как чуткий камертон, –
поет с хористами он в унисон,
и слышно сердца – одного – биенье!
Звучит напев дождя и ветра,
им подпевают поле, луг и лес.

Их чистый голос, фальши без –
нам нужен, как Любовь и Вера.
Так важно в сотне интонаций
найти мелодию души,
и с ней дела свои вершить,
и жить, как поле, лес...

Вдруг – гром оваций!

Почудилась мне песня боя,
но поклонился залу дирижер,
и гул затих, пел снова хор
о радостях мирских и боли.
И воспарил над благозвучьем хора
негромкий соловьиный голосок,
и стало в мире меньше горя...
Услышать бы его еще разок!

ПОЭТ И ЖЕНЩИНЫ

У поэтов на женщину разные взгляды,
и во мнениях – полный разлад.
Но судить их за это не надо:
пусть и пишут, и пусть говорят...
Поэт и книгочей Валерий Брюсов,
сказал, задумавшись на миг:
«О, женщина, ты – книга между книг!»
(Чужих не признавал он вкусов).
Был Пастернак в поэзии всемогущ,
его стихи живут среди нас.
«...а ты прекрасна без извилин», –
«воспел» он женщину одной из фраз.
Поэт Сэм Симкин, парень ветренный,
увидев девушку во цвете лет,

он начертил за Пифагором вслед
лишь «треугольник равнобедренный!»*
Но ведь до Брюсова поэт был Мей.
Он женщину боготворил,
стихи и розы ей дарил,
любви Богиню видя в ней!
Его праправнучку Елену** обожаю,
ей удалось архив поэта сохранить.
Времён связующую нить
в своих стихах я продолжаю.

...Для всех поэтов женщина – загадка,
и её разгадывать им сладко...
... Но у загадки той ответа нет,
и в этом, видно, весь секрет.

ЮБИЛЕЙНОЕ

П.С.Таранову

О, за какие же грехи
нас познакомили стихи?!
Свело нас слово, будто сваха,
найдя за тридевять земель без страха,
свой ключик золотой доверив
тебе, «сошедшему на берег».
Соприкоснулись наши души
на островке зелёном суши...
И мы услышали друг друга,
и стал эфир - опорой звука,
и потекли вдруг реки вспять,
чтоб мы смогли Века обнять!

*) Строка из стихотворения С. Симкина

***) Елена Дмитриевна Мей – праправнучка поэта, проживает в Калининграде.

Нас пригласил Платон в Сад Академа,
его тревожила бессмертья тема.
Потом попали мы к Сократу,
к Розанову и Гиппократу!
Нас поразила сияньем мысли Кант –
Восточной Пруссии бриллиант.
Мы собирали мудрость по крупичкам,
но улетали годы, будто птицы.
И стали книги – мостиком меж нами...
Нас позвала в дорогу Память!
Вернулись мы в свой 21 век,
названья вспомнив милых рек.
Через границы, топи и затоны
пришли к Булгакову, Есенину, Платонову...
С Россией были мы в годину лихолетья,
её зовём на праздник свой – десятилетье!
О, за какие же грехи,
нас познакомили стихи?
Мы в этой жизни не безгрешны,
но не судите нас поспешно.
Восславьте дружб и встреч случайность,
и слов сердечных – изначальность...
И пусть 2009-й год
простит нам грех на жизнь вперёд.

ИРИСЫ

И. Такахаси

Много традиций на белом свете:
японцы в поисках истины
дарят мальчикам ирисы
в день совершеннолетия.

... Поднял узкие листья ирис,
каждый лист – острый меч самурая!
Сражаются мальчики ими,
подвиги первые совершая.
Из каждого цветка ириса
улыбается им Ирида!
Богиня небесной радуги
не скрывает своей радости.
Звонкая песнь цветка
и мечевидных листьев звон –
два разных звучанья на стебле одном
соединили для нас века.
Я не привыкла рубить с плеча,
но смогла загадку разгадать –
попробуй при виде меча
благородный цветок сорвать...

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПУТИ

Воинственное племя – готы!
В средневековье их уводит след...
Талантливы были они от природы,
боготворили небесный свет.
Готических храмов высокие шпили
встречают первыми утро,
стрелы их облака пронзили,
соединяя с Землёй их мудро.
Стекает готика на остриё пера,
переносу её на лист бумаги.
Я вся – во власти белой магии,
живу в предчувствии добра.

По жизни шли по вертикали готы,
полагаясь на Господа Бога.
И я не жду у моря погоды,
и не боюсь высокого слога.

ПОВЕРЬ В СЕБЯ

«Нету бед непобедимых, нет и безысходных мук...»

Зинаида Миркина

Все движутся в общем потоке,
им по плечу большие дела.
Но, Боже милый, как мы одиноки,
когда повержены наши крыла!
А жизни поток всё так же струится:
силён и могуч, непобедим...
А ты, как подбитая влёт птица –
лежишь без дел, слаб, недвижим...
Остался с собой ты наедине
и слышишь лишь сердца стук,
но ты не одинок, мой друг,
Ты Господу Богу дорог вдвойне!
Он крепко верит в тебя
и забирает беды твоей часть.
...Ты только сам поверь в себя,
и наступит твой звездный час!

* * *

*«О, этот долгий путь!
Сгущается сумрак осенний,
И – ни души кругом».*

Басё

«Всё моё ношу с собой» –
скопилось ценностей так много...
И я советуюсь с Судьбой,
что взять мне в дальнюю дорогу?

Я всё моё с собой ношу:
и смех, и слёзы внуков и детей,
люблю их мир наивный, без затей,
почаще улыбаться их прошу.

Ношу с собой я всё моё:
стихи, любовь и бытиё...
И только вечной жизни нить
всё может мудро так соединить.

Моё ношу с собой я всё –
душе босой так мало надо!
Со мною путь свой разделил Басё
в осеннем сумраке Калининграда.

Всё моё ношу с собой,
спотыкаясь на каждом шагу,
но бросить я ничего не могу...
Нести свой крест мне велено судьбой!

Пространство комнаты моей –
кораблик, по волнам бегущий,
и в штиль и в шторм
 покой мой стерегущий
на зыбкой глади всех морей.

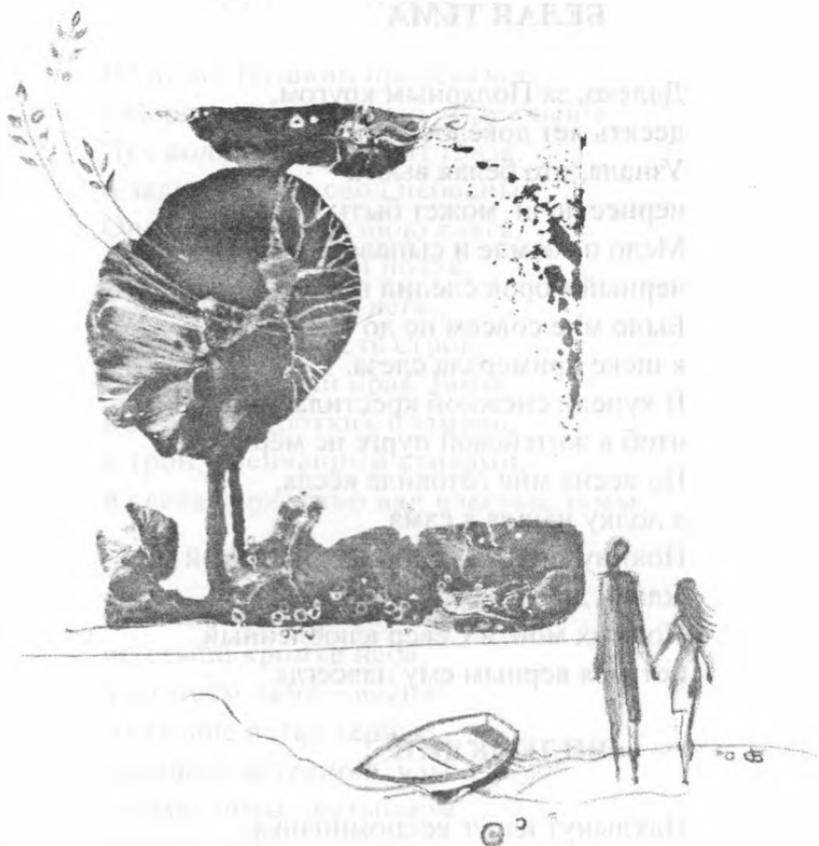
Пространство комнаты моей,
как облачко на небосводе...
И рада я такой свободе –
среди звёзд и солнечных лучей!

Пространство комнаты моей...
Прописана в ней
 «Девочка на шаре»,
и я спешу стать с нею в паре
на краешке планеты всей.

Пространство комнаты моей
вместило Пикассо творенье,
и девочка,
 скользящая по кромке дней,
вошла в моё стихотворенье!

Пространство комнаты моей...

БЕЛАЯ ТЕНЬ

Сияний северных волна

БЕЛАЯ ТЬМА

Далеко, за Полярным кругом,
десять лет довелось мне жить.
Узнала, что белая выюга
чернее ночи может быть.
Мело по земле и сыпалось сверху,
черный морок слепил глаза...
Было мне совсем не до смеха,
к щеке примерзла слеза.
В купели снежной крестила Зима,
чтоб в житейской пурге не мёрзла...
Но весна мне готовила вёсла,
а лодку нашла я сама.
Покинула край, сединой убелённый –
ждали другие меня города...
Но стих мой, в Север влюблённый,
остался верным ему навсегда.

ВИДЕОКЛИП

Нахлынут вдруг воспоминанья,
и так захочется мне в прошлое вернуться...
Найти той жизни остров в океане,
к нему душою кроткой прикоснуться,
и заглушить невольный всхлип,
услышав песни о любви и доме отчем.
Был снят давно сетчаткой глаза клип,
увидела я жизнь тех лет воочию:
собрались вновь друзья на пир,
и все мы молоды, красивы;
и песня «Отчий дом» летит в эфир;
и папа с мамой – живы...

НАЧАЛО ЗИМЫ

Великий Пушкин предсказал:
«Мороз и солнце, день чудесный!»
Луч солнечный слепит глаза,
и залит светом свод небесный...
Он спорит с белизною снега,
усиливая световой поток,
и заполняет душу нега,
и оживает прелесть строк.
Люблю суровый нрав Зимы
и дней её коротких пламень,
и трон, увенчанный стихами,
и света торжество над властью тьмы!

* * *

Сияний северных волна
по самой кромке неба,
а на моём окне – весна:
в стакане ветка вербы.
Казалась ветреной судьба
в краю зимы пустынном...
Убрала чёлку я со лба,
и – корешки пустила,
и прижилась на мерзлоте,
и подружилась с тундрой...
Я родила двоих детей,
и было мне, как вербе, трудно.
Спешили к югу поезда,
оттаивала Ваенга* ...
Я возвращаюсь в те года:
– Пришлите срочно валенки!

*) Река в Мурманской области

КОРАБЛИК ЛЮБВИ

мужу Лёше

То снега идут, то дожди –
твоего касаюсь плеча...
Провожает нас в путь причал,
и вся жизнь ещё впереди!
Пронеслась над нами гроза,
задев нас слегка крылом.
Вспоминаю наш первый дом,
океанских волн паруса!
Камчатка, Мурманск, Балтийск...
Наш кораблик бежит по волнам...
Друг сказал: – За Лёшку держись!
Хорошо и тревожно нам.
Привыкаю к качке любой:
и бортовой, и килевой.
И Партия, наш рулевой,
ведёт нас на подвиги в бой!
По курсу шли корабли,
выживали мы, как могли.
Спасала в трудные дни – любовь,
была она выше власти любой.
«Жди меня, только очень жди», –
слышу добрых полсотни лет.
А жизнь уже вся почти позади,
но всё ярче той жизни след!

ПОД ЗНАКОМ БЕЛЫХ ГЛАДИОЛУСОВ

Сонет

дочери Ольге

Достойна ты бесценного подарка,
ему названья не было и нет.
Воспел Лауру некогда Петрарка,
а я – тебе пишу сонет.

Хватило мне свечи огарка,
чтоб разглядеть сияние тех лет:
светило над заливом солнце ярко,
когда явилась ты на свет.

Недалеко от Северного полюса,
под знаком белых гладиолусов,
что подарили мне друзья...

Запомнил взгляд мой благодарный –
роддом на сопке в городе Полярном,
где началась твоя стезя.

ВЕЧЕР ВДВОЁМ

Ты бокал мой вином наполни –
пусть вернуться южные ночи...
Ты о лучших днях мне напомни,
увези самолётом – в Сочи!
Мы у моря бродить не устанем,
будем пить «хванчкару» молодую –
и моложе на век мы станем,
вспомнив пору ту золотую!

И забьётся сердечко чаще
застучит оно без перебоев.
И сухое вино станет слаще,
под песни морского прибора!
Кто сказал, что песенка спета?
В ней ещё четыре куплета,
и к тому же, с припевом она...
Мы осушим бокалы до дна!

ПОПУТАЛ БЕС...

«Когда у тебя есть всё – ничего не проси...»

Д. Ченаускайте

Я не знала, что у меня есть всё!
Я не знала, что – это счастье...
Отважилась попросить у Басё –
дать мне зонтик новый в ненастье.

Я не знала, что у меня всё есть,
потянулась случайно к золоту,
и чуть не уронила честь:
её-то беречь надо с молодю.

Я не знала, что всё есть у меня:
есть ты, свеча, разговор о чём-то...
Захотелось мне – поярче огня,
но просила я не у Бога – у чёрта!

– Помни, у тебя есть всё, – ты сказал, –
твое сердце любовью пылает,
и видят тебя лишь мои глаза...
У счастливых – просьб не бывает.

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

Всё так дорого сердцу вокруг,
Озеро – старый и верный мой друг –
радость разделит, раны залижет...
Почему же мне море ближе?
Лебединое озеро радует взор,
кормлю лебёдушку хлебом...
Но манит душу морской простор,
он сливается прямо с небом,
где Боги живут на вершинах!
Его глубины – подобны мирам.
Не измерить море аршином,
не догнать «Бегущую по волнам».
Говорит мне на ушко лягушка:
– Что нашла ты в морской стихии?
Ревнует к морю меня подружка –
напишу-ка о ней стихи я!
На озёрной зеркальной глади –
чайка с моря несёт мне весть.
Возрадуюсь я тому, что есть,
весёлой птице вослед глядя...

ЗАПИСКИ С МОРЯ

Воеет ветер. Шторм бушует,
гонит он волну большую.
Белой пены брызги –
из глубин морских записки –
нам летят под ноги...
Их писали Боги.
Вот письмо от Посейдона,
пишет он из-за кордона:

«Чти законы моря свято,
но не верь волне д е в я т о й.
Кто слезам её поверит –
не увидит больше берег,
огорчит друзей и близких.
Сохрани мои записки».
Есть послание от Зевса.
Молвит гневно, не спеша:
«В море на меня надейся,
но и сам, брат, не плошай!»
«Молнию» прислал Перкунас:
«Море – это мира юность!
Сохрани в душе своей
суть глубинную морей».
Над волной носились чайки –
письмоносицы веков –
и записки те вручали
в руки юных моряков.
Предстоял им путь далёкий –
их в пути храните, Боги!

ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

В.М. Романовой

По принципу: клин клином вышибают,
под кожу мне иголки загоняют...
Малой болью лечат боль большую –
с иголками в спине лежу я.
И боль уходит постепенно
через окно и через дверь, сквозь стены.
Непросто найти эти точки,
как главные слова – для строчки.

Лежу с иголками в спине я,
поверить в чудеса не смея,
пью радость жизни по глоточку,
и мне пора поставить точку!
Но пусть читатель мой не сетует –
продолжение следует.
Глядя на жизнь воочию,
я ставлю многоточие...

«НЕ НАВРЕДИ...»

У поэта – всё, как в аптеке:
каждое слово взвешено,
чтоб укрепить дух в человеке,
унять его жизни ритм спешный.
Каждая капля горечи
разбавлена каплей сладости...
Должна поэзия боль лечить
настояем вселенской радости.
Свято чтит поэт Гиппократ,
проверяя свой стих стократно...
Слово строит, и слово – рушит!
«Не навреди», врачую души.

ДРУГ ЮНОСТИ МОЕЙ

Глаза у него были разными:
один серый, и карий другой –
две сути души одной...
Но они мне казались прекрасными!
Роста он был невысокого,
и любил песни Высоцкого.

Был тише воды и ниже травы,
и выше меня на полголовы.
Общался со мной по-дружески,
говорил о серьезном, шутя.
Он видел во мне дитя,
открывая войны прошлой ужасы...
Где в газовых камерах Бухенвальда
умирали старики и дети,
а их топтали молодые ребята,
в последний момент выжить надеюсь...
Природных инстинктов крошево
не сбрасывал он со счета,
но ценил в людях хорошее —
то, что от Бога, а не от черта.
Я в разум его была влюблена:
из всех он казался лучшим!
Нас жизнь ничему не учит —
дает нам уроки весна.
Я очень его уважала,
но расстались мы как-то нелепо.
Я любила другого, к нему уезжала —
в других глазах я видела небо...

ЗАЛЬЦБУРГ

Там, где в небо уходят Альпы,
где до сказки — подать рукой,
встречает туристов Зальцбург,
вставая над горной рекой.
Здесь родился великий Моцарт —
всех грядущих времен кумир!
Покорил он музыкой мир,
одарив нас бурей эмоций...

Но сердце красавицы, видит Бог,
покорить он так и не смог.
Кочует по свету без визы –
послание его «К Элизе!»
Был Гений ростом невысок,
но восходил, как альпинист,
к вершинам!
«Волшебной флейты» голосок,
о нем, о нем... – все расскажи нам!
...В кафе уютном старый Зальцбург
конфеты «Моцарт» вам предложит,
и кофе чашечку на завтрак.
А что еще он может?

ПОДАРОК ДОЧЕРИ

Веками вдруг повеяло:
обмахиваюсь веером,
гуляю по А л а н и и,
усевшись на диване я.
Живу в далекой Турции
по местной конституции,
и будто знатной барыне –
«сдирают» кожу в бане мне.
Взамен даруют новую –
гладкую, шелковую!
Теперь мне с новой кожей
купаться в море можно.
Плывем на яхте модной
над городом подводным...
Из тьмы веков, из глубины
осколки амфор нам видны.
Забыла я про свой диван –
белеют скалы сквозь туман.

Танцует и поет А л а н и я,
и оживают вмиг предания,
и правит миром красота —
в восточном танце живота!
Толпа туристов полуночная —
и с ними, вижу, дочь моя
мне выбирает сувенир...
Ее глазами я смотрю на мир!
...Дочь привезла в подарок в е е р —
он мне стихи о Турции навеял.

ОДА ДИВАНУ

Любит плоть моя старый диван,
отдыхает на мягких подушках...
Называет, любя его, — душкой,
он во благо мне мастером дан.
Усмиряет он резвый пыл,
и мое расслабляет тело.
Помню, куплен давно он был,
и стоял — для красоты, без дела.
Оценила диван лишь с годами,
он — пристанище духа, ковчег!
Плывет меж морскими судами,
продолжая времени бег...
Города мелькают и манят,
любуюсь тихим закатом.
Луч солнечный тает в тумане,
оставляя всю жизнь — за кадром,
навевая мне сон золотой,
возвращая бодрость и силу!
Помнит диван — я была молодой
и короткие юбки носила!

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

дочери Наташе

Тебе уже чуть-чуть за сорок,
но все-таки – не пятьдесят...
И по весне твой зелен сад,
и синь небес в глазах-озерах.
Еще мужчины дарят взгляды,
хмелея без вина в саду!
А ты лишь скажешь на ходу:
– Добра чужого нам не надо.
Полны любовью закрома.
Есть муж и сын, дочь белолица...
И коль покой тебе лишь снится,
знать молода еще сама.
Но быстротечен жизни бег:
летят века, мелькают годы.
У моря ты не жди погоды,
ведь «бабье лето» длится век!
Не разгадать нам жизни кода:
он солнца луч иль ветра след?
С улыбкой молвит всем Джоконда,
что возраста у женщин нет!
Но стих тебе я посвящаю,
ведь ты – в моем оконце свет!
Твой путь молитвой освящаю.
И, как сказал поэт, – «нет лет!».

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Любит конь хорошую сбрую
и того, кто его запрягает.
Одену я кофточку – не люблю,
а ту, что к талии прилегает.

Новые туфли, которые жмут,
то, что для лошади тесный хомут.
Коль натерты шея иль ноги —
не жди удовольствия от дороги!
Вижу сходство свое с конем,
будто сбруя моя на нем...
Мой костюмчик в плечах мне жмет —
и путь не тот, и конь не везёт.
Но, если одежда и обувь по мне,
поверх барьеров лечу на коне!
Жизнь вокруг и кипит, и клокочет,
и звенит под дугой колокольчик!

ПЕСНИ СЕРДЦА

Мила мне жизни буча,
с рассветом я встаю...
Живу, как умный чукча:
что вижу, то пою!
Готова я восславить
свой двор и воробья,
крапиву петь заставить
и тропку у ручья...
— А коль плохое зренье, —
мне чукча говорит, —
придет к тебе прозренье —
Бог знает, что творит!
Увижу вдруг такое...
на донышке души,
что вмиг лишусь покоя
и буду петь всю жизнь.

Петь сердцем, не по нотам,
наперекор судьбе.
От чукчи анекдотом –
порой кажусь себе.

ПОПЫТКА АВТОПОРТРЕТА

Хочу я быть – в Японии гейшей,
но современной, солнечно-рыжей!
Хочу я и праведной быть, и грешной,
по бульварам гуляя в Париже.
Мне б стать королевой Луизой *,
покорить чарами Наполеона.
И он, потакая женским капризам,
подпишет свой приговор войнам!
Но не хочу быть столбовой дворянкой,
в желаньях не знающей меры.
Лучше стану простой крестьянкой,
живущей по правилам веры.
Родилась я в русской глубинке,
о далеких мечтая странах!
Видела их лишь на картинке,
да в кино, на больших экранах.
... А на роду мне было написано:
ж и т и х о м
и ныне и присно!
Быть бабушкой, мамой, женою,
и, может, кто-то захочет стать мною?!

*) Королева Восточной Пруссии, встречалась с Наполеоном в Тильзите при подписании Тильзитского мирного договора

ВРАЧ

ВЕНОК СОНЕТОВ

«Врач - философ равен Богу».

Гиппократ

Венок сонстов «ВРАЧ» - четвёртый по счёту. Три венка сонстов: «Путём вся Земли», «Сад камней» и «Янтарной комнаты виденье» (1991-2003) были опубликованы в моих ранее выпшедших книгах стихов.

Поэт Андрей Вознесенский говорил: «Стихи не пишутся – случаются!». В большинстве случаев так и бывает, но иногда стихи пишутся не случайно. Владимир Маяковский утверждал: «Для написания стихов мне нужны перо, бумага и социальный заказ». Перо и бумага у меня всегда рядом, даже ночью. А вот социальный заказ я получила недавно из Санкт-Петербурга от старого друга Владимира Петровича Тюкина. Это удивительный человек, коллекционер венков сонстов, число их в его собрании приближается к трём тысячам! Он говорит: «По "венкам" – мы впереди планеты всей!». Зная меня как врача, он и попросил написать венок сонстов о врачах, о медицине. Сразу я как-то не вникла в суть просьбы друга, но позже убедилась, что мысль материальна, что она передаётся на расстоянии. Решила, кому же, как не мне – врачу с 45-летним стажем, попробовать осмыслить и описать свой путь в стихах, пропустив через себя время, прикоснувшись к векам, увидеть сегодняшний день медицины. Причём, описать всё, следуя правде жизни.

Мы живём уже в 21-м веке, который диктует свои требования к жизни, к работе. Исчезла романтика моей юности, потеснилась бесплатная медицина... Всё же осталась верность врачебному долгу.

У меня много стихов, посвящённых врачам, жизни и смерти, милосердию, корни которого уходят в прошлое - к Гаазу, Пирогову, Боткину, Чехову. Многие врачи, прикоснувшись сердцем к чужой боли, стали писателями. Это М.Булгаков, А.П.Чехов и другие. И мы – врачи-писатели говорим по аналогии с героем гоголевской «Шинели», что вышли из чеховского белого халата. Врач несёт двойную ношу: боль свою и боль чужую, и делает всё во благо спасения больного, нередко жертвуя собой. Символом его подвижничества является горящая свеча – «Светя другим - сгораю сам».

1.

Я помню с детства: ученье – свет.
Воскрешает былое память.
О жизни минувшей пишу сонет,
уходя в беспросветную заметь.

Шагаю за мужем я вслед,
серый ягель растёт под ногами –
здесь нам жить десять долгих лет,
согревая дыханием камень.

Обживаю я Крайний Север,
и путь мой снегами усеян...
Море Баренца у порога.

Стоят корабли у причала,
незримой судьбы начало...
В Храм Гиппократ* ведёт дорога.

2.

В Храм Гиппократ ведёт дорога...
Я – врач, мне двадцать с лишним лет,
нет опыта, сомнений много,
но дал учитель мне совет:

– Найди болезни подоплёку,
даруй больному веры свет,
ведь «врач-философ равен Богу» –
и в том профессии секрет.

*) Храм Гиппократ – так называют лечебные учреждения: клиники, больницы.

Учителя мудрое слово
вдруг стало всей жизни основой,
залогом желанных побед.

Поблажек у Века я не просила:
шла по дорогам и тропкам России,
среди многих следов означен мой след.

3.

Среди многих следов означен мой след,
он притким оленем взьерошен...
В нём сияний северных свет
мерцает сквозь снега крошево.

Заполярной малины* цвет –
собрала мне память в лукошко...
Умиравший Пушкин просит морошки,
но в Петербурге морошки нет.

Среди друзей Жуковский и Даль,
сплотила общая их беда –
умер любимый поэт до срока.

Гроб с телом тайно в Псков** увезли.
А мы бы сегодня его спасли?!
Правде жизни я следую строго.

*) Заполярной малиной называют на Севере морошку.

**) Боясь смуты и волнений среди молодежи, гроб с телом Пушкина, тайно, ночью увезли в село Михайловское Псковской губернии, в родовое имение Ганнибалов, где он и был предан земле.

4.

Правде жизни я следую строго:
Пушкин – сегодня бы – мог жить,
и стихов написать ещё много...
Но Поэта – не воскресить.

Я спрошу у врача и больного:
– Как жизнь человека продлить?
Как детей уберечь от пороков,
и недуги все победить?

Точка зренья врача мне знакома:
«На здоровье нельзя экономить», –
слышу коллеги весомый ответ.

Больной, не спеша, мне ответил,
он слов не бросал на ветер:
– В страну Здоровье не купишь билет.

5.

В страну Здоровье не купишь билет –
вижу двойственность постулата...
Волшебной страны в реальности нет,
но есть медицина за плату.

Можно купить врачебный совет,
лечь в частную клинику, коль богат ты.
Убрать морщины – следствие лет,
и стать моложе собрата.

Веянье времени – всё законно,
но в воздухе стало меньше озона,
и не унять мне в сердце тревогу.

Торопимся мы всё перестроить,
ломаем старых мостов устои...
В спешных реформах много ли проку?

6.

В спешных реформах много ли проку,
коль не хватает в больницах мест?
Разрушив мосты, мы строим дорогу –
«Errare humanum est»* ...

Правде жизни я следую строго:
щепки летят, когда рубят лес...
Но, помня о долге врача высококом,
надо видеть вблизи и окрест.

В Калининграде судьбу я найду,
в неё все тропки Севера вплету.
Мои сонеты здесь увидят свет** .

– Пал Кёнигсберг в сорок пятом году,
а я до сих пор по войне иду, –
говорит мне с грустью больной сосед.

7.

Говорит мне с грустью больной сосед:
– Уходил на фронт я совсем молодым.
Под Кёнигсбергом попал в лазарет,
спасибо врачам – остался живым.

*) Человеку свойственно ошибаться (лат.)

**) А.Г. Самусевич с 1971 года живет и работает в Калининградской области. В 1988 году вышла ее первая книга стихов «Утренний обход». Затем в период 1990–2008 годы вышли 12 книг её стихов «Под музыку дождя», «Сад камней», «С городом – наедине», «Букет» и др., книга прозы «Услышать друг друга. Записки врача».

В Калининград привёл меня след...
Строил дома, семьей был любим:
счастливый отец, заботливый дед,
но времени бег неумолим!

Развеял счастье бывшее ветер:
опустело гнездо, выросли дети.
Живут они рядом, неподалеку.

Ветеранами город гордится,
но все чаще беда в дом стучится...
Кого в беде мне звать на подмогу?

8.

«Кого в беде мне звать на подмогу?»
Позовёт он, конечно, детей,
фронтовые друзья помогут –
мир не без добрых людей.

Доктор Гааз* , спасали Вы многих,
придите в наш сегодняшний день,
помогите тем, кто в беде –
дайте крылья высокому слогу.

*) Гааз Федор Петрович (1780–1853) – врач, общественный деятель. В 1827 году назначен главным врачом тюремных больниц, всю жизнь помогал больным и обездоленным. «Святой доктор» – звали его больные. Умер в нищете. Пришли проститься с Гаазом 20 тысяч москвичей всех сословий. «Спешите делать добро» – его слова начертаны на памятнике.

Доктор Рошаль*, проявите милость –
Ваша храбрость нам и не снилась,
Вами будет гордиться эпоха.

Должно милосердие быть смелым,
а слово – венчаться делом.
Рядом с нами – врачи от Бога.

9.

Рядом с нами – врачи от Бога.
Цените больше врачебный труд,
оградите врача от подвоха,
от злого навета, мол, взятки берут.

На здоровье тратятся крохи,
за них не купишь заморский фрукт.
Косит больных «палочка Коха»** ,
победе над нею не верьте, врут!

Нет лекарств от рака и СПИДа,
но не должны мы копить обиды,
и нельзя нам работать плохо.

Служит сегодня нам мирный атом,
и талантами мы богаты!
Ждёт открытий новых эпоха.

*) Рошаль Леонид Михайлович, 1933 года рождения, врач – эксперт Всемирной организации здравоохранения, председатель Международного комитета помощи детям при катастрофах и войнах. В 1996 году журналисты назвали Рошала Л.М. – «Детский доктор мира». Во время событий в Театральном центре на Дубровке доктор вел переговоры с террористами, выводил детей, доставлял медикаменты раненым, не думая о себе. Ему была присуждена премия «Национальный герой».

***) Возбудитель туберкулёза

10.

Ждёт открытий новых эпоха,
но любое открытие штучно.
Читать фантастику нам бы неплохо,
к её чудесам подходить научно.

Много в сказках чертополоха,
познайте суть его острых колючек...
Верил Грин до последнего вдоха:
мечта с реальной жизнью созвучна.

Пригласить бы Бегущую по волнам –
пусть раскроет секрет невесомости нам.
Любых фантазий так важен исток...

Мы получим вакцину от СПИДа, верю.
Повторяю: «Dum spiro, spero»*.
Подводить нам рано итог.

11.

Подводить нам рано итог...
Я вновь разбрасываю камни,
и вижу тропку под ногами,
а у обочины её цветок.

Трепещет нежный лепесток,
и в каждом виден жизни пламень –
горит в сонете он меж строк,
а лепестки – не мы ли с вами?

*) Пока живу, надеюсь (лат.)

Мы отцветём в свой срок, поверьте.
Но кто-то обретёт бессмертье –
убогий, умный или знатный?

Иль тот, кто за других в ответе?
Их мало так на белом свете...
Мне к Чехову* поехать надо.

12.

Мне к Чехову поехать надо
в санях, да по первому снегу...
Любили больные его, как брата,
шли в Мелихово, будто в Мекку.

К жизни он относился свято,
верой и правдой служил Человеку.
Врач, автор «Вишневого сада»
дарил красоту грядущему веку.

Сильна Россия провинцией –
стал Чехов для нас провидцем.
Идёт он по весям и градам...

Врачуя душу русской словесности,
идёт по дорогам Вечности,
с благословения Гиппократа .

*) Чехов Антон Павлович – врач, писатель. Вернувшись с Сахалина, поселился в селе Мелихове, вел ежедневный прием больных, боролся с холерой. Построил больницу и школу. Помог проложить дорогу и открыть почтовое отделение. В Мелихово были написаны многочисленные произведения: «Чайка», «Дядя Ваня», «Остров Сахалин». Больные боготворили своего доктора.

13.

С благословения Гиппократы
исполняют свой долг врачи.
И встрече с мудрецом я рада –
он дал мне к истине ключи.

Повторяя Клятву многократно,
не заблудилась я в глухой ночи –
иду по улицам Калининграда,
и славят майский день грачи.

Каштан цветущий зажигает свечи,
и куршских дюн слышны мне речи,
и море плещется у ног.

Пришло письмо из Петербурга
с большою просьбою от друга –
сонетов написать венок.

14.

Сонетов написать венок
поможет сердце мне иль разум?
Важнее устье иль исток?
Где взять начальную мне фразу?

Как жизнь вместить в переплетенье строк,
воздать в них почести Гаазу,
врачей возвысить, заклеить порок,
найти путь к Богу, пусть не сразу?

Разбросанные камни собираю...
Служа другим, я как свеча сгораю.
Диктует Время мне сонет.

Вернулась я к своим истокам,
и потекли свободно строки.
Я помню с детства: ученье – свет.

МАГИСТРАЛ

Я помню с детства: ученье – свет.
В Храм Гиппократов ведёт дорога.
Средь многих следов означен мой след,
Правде жизни я следую строго.

В страну Здоровье не купишь билет.
В спешных реформах много ли проку?
Говорит мне с грустью больной сосед:
– Кого в беде мне звать на подмогу?

Рядом с нами – врачи от Бога...
Ждёт открытий новых эпоха,
подводить нам рано итог.

Мне поехать к Чехову надо...
С благословения Гиппократов
сонетов написать веноч.

Ода имени

«Что в имени тебе моем?»

А.С.Пушкин

ПАМЯТИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Триптих

1.

«Противу всех – одна...»

М. Цветаева

Елабуга ей домом стала
меж войною и миром меж...
Как дальше жить, она не знала,
и взять последний не смогла рубеж.

Всю жизнь она служила Слову –
поэта каждого удел.
Как птица в клетке, – онемела словно,
вдруг оказавшись не у дел.

Она работать хочет, где угодно, –
жить нелегко полуголодной.
Посудомойки место попросила
в столовой...

Она бы согласилась.

Марине в просьбе отказали,
как будто по рукам связали,
её друзья-товарищи по цеху
сочтя мольбу святую за потеху.

Их равнодушие её убило,
оно последней каплей было!
Сомкнулся жизни круг,
и – выпало перо из рук.
Но стих цветаевский летит по свету,
ему в веках по праву жить!

А мы идем в Елабугу по следу,
чтобы цветы к могиле положить.

2.

*«Дай мне руку – на весь тот свет,
здесь – мои обе заняты».*

М.Цветаева

Два человека могут розно жить,
но души их судьба узлом связала, -
его ни развязать, ни разрубить...
Духовное – прочней металла!

Сей сплав космический – загадка,
таблицу Менделеева продлит ли кто?
Растенья душ - из звёздного порядка,
плоды их пробуйте лет через сто!

Они нетленны. Вечности секрет
разгадывают наши дети в школе,
к Серебряному веку подбирают колет.
Уходят лучшие. Им имя – Свет!

Они уходят от погонь и от разлук,
их – в этой жизни – путь недолог...
Но души отдают они на круг,
избрав на жительство небесный полог.

О, всё возможно в мире сем:
размолвиться, расстаться, разлучиться,
иль крюк найти,
взлетов над вороньём...
В последний раз – идущим поклониться!

3.

С юных лет писала о смерти,
мечтая «тихонечко умереть»...
Над стихами её не смейтесь –
она в подруги выбрала Смерть.

Поверяла ей девичьи тайны
о радостях первой любви,
не скрывала сердечные раны,
молила: - К себе возьми!

Но подруга не торопилась
принять её тихий зов.
Зная путь весь тернистый с азов,
в неё она, просто, влюбилась...

Не смела позвать и приветить...
Марина пришла к ней сама.
И расступилась ночи тьма...
Смерть подарила ей бессмертье!

ПОМНИ ИМЯ СВОЕ

Начинаем счет с единицы,
отводя ей первое место!
Первая дама на свадьбе – невеста,
и правят строною первые лица!
Их знают имя и отчество,
раздают им награды и почести...
Награждают, порой, авансом,
и сделать карьеру есть шансы.

Я тоже, поверьте, не против,
быть первой в работе и в спорте,
но суть моя главная скрыта
в последней букве алфавита.
И обручальное надев кольцо,
хочу я сохранить свое лицо.
Можно изменить фамилию,
можно сменить машину, жилье...
И даже забыть про штурм Бастилии,
но всегда помнить имя своё!

* * *

Я счет веду от безымянных,
от тех, что именем еще не нарекли...
Они чисты, как церковь на Нерли, –
новорожденные Марины, Анны,
Борисы, Глебы, Александры –
для вас пишу я свой сонет...
В нем полевых цветов букет
и терпкий запах олеандра.
Путь к истине, да будет прост:
в букете спрятаны шипы от роз,
чтоб вы выросли на нашей боли,
и радостью смогли засеять поле,
над рабством вставши в полный рост.
Вам корабли вести до звезд!

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

В лоне матери босые
жаждем мы увидеть свет!
Снятся нам дожди косые
и зеленых трав букет.
Первый твой услышав крик,
прозревает вмиг душа.
Озарив улыбкой лик,
видишь ты свой робкий шаг.
Миг блаженства недалек –
научился ты ходить.
Одолев избы порог,
отыскал тропинки нить.
Размотав дорог клубок,
мир, узрев во всей красе,
босиком, да по росе –
побежишь, не чуя ног!
Будешь пить ты дух Земли,
ощутишь крапивы вкус,
и сорвется слово с уст...
Ты запеть ему вели –
песней славен человек!
Хлебом кормит он свой век,
и по миру босиком
он идет,
тропой влеком.

AB OVO*

Люблю смотреть на детские мордашки,
выглядывающие из колясок.
Мне любви Ваньки, Таньки Дашки... –
для слов мне не хватает красок.
Смотрю на них я, не дыша,
ждет впереди их – первый шаг,
и первое падение, и взлет...
И первый в жизни переплет.
Они в колясках восседают важно,
взирая на «авто» – бесстрашно.
Беседуют на равных с Миром,
и внемлет Мир своим кумирам!
В глазенках – свет,
улыбки до ушей,
лепечут что-то не по-русски...
Быть может, говорили так этруски,
иль им знаком язык мышей?
Пищат, смеются, плачут,
но это, видно, что-то значит!
Всё станет ясно с первым словом:
мы начинали все – «ab ovo...»

У ИСТОКА ИМЕНИ

Тимофею Белоусу

Тима, Тимка, Тимофей,
покоритель юных фей,
соблазнитель милых дам –
прародитель твой – Адам!

*) От яйца (лат.)

Словно братья родные они
от дремучих корней старины.
Реки, цветы и люди,
я ваши люблю имена,
душа у вас, видно, одна.
... Ваш род именитый чуден!

НАМ – РОССИЯ ИМЯ

Кому-то написано на роду –
стать первым в несметном ряду
событий, открытий, побед...
Живет в веках первопроходцев след!
Первый снег устилает дорогу зиме,
заранее зная итог сраженья.
И кто-то срок отбывает на Колыме,
видно, нет победы без пораженья.
А сколько их, первых, пало в бою...
А сколько гибло в борьбе за идею?
Но лишь немногим осанну поют,
и я осуждать их не смею.
Мы живем на планете людей,
и Родиной все мы любимы.
Нет у нее нелюбимых детей:
и вторым, и первым – Россия имя!
Быть первым, третьим иль десятым –
нас рассуди, о Боже!
Мы успеху каждого рады.
«И все же, все же, все же...»

«ЖЕНЩИНА, ДЕРЖАЩАЯ ПЛОД»

К картине Поля Гогена (1848–1903)
1893 г. Государственный Эрмитаж, С-Пб.

Женщина, держащая плод, –
древний символ женского рода,
ведь она продолжает род...
Так ей повелела природа!
В руках ее чаша-тыква с водой,
и можно водицы напиться.
Но таитянка душою томится,
ясный взгляд озарен мечтой...
Ей бы дитя услышать в себе,
узнать, чего оно хочет?
О нем она думает дни и ночи,
и я – причастна к ее судьбе.
... Зашифрован код жизни в генах,
и часа заветного ждет.
«Женщина, держащая плод» –
сходит к нам с полотна Гогена.

«АВТОПОРТРЕТ С ИЗABELЛОЙ БРАНДТ»

К картине Питера Пауля Рубенса (1577 – 1640),
1608г. старая пинакотека, Мюнхен.

Портрет счастливого семейства
мой завораживает взгляд.
В улыбке Изабеллы – отблеск детства,
во всем гармония и лад.
Союз двух любящих сердец,
и нежное рукопожатье...
Их повенчал на небесах Творец,
скрепив их брак своей печатью.

Влюбившись в Изабеллу с первой встречи,
нашел художник идеал в жене.
Рисуя королев, богинь, фламандских женщин –
прекрасные черты их видел в ней!
Писал он царедворцев и вельмож,
всем сердцем время осязая...
Писал себя, того не зная,
что был в прихожую веков он вхож.
Владел он виртуозно кистью,
Считал – в искусстве малых нет ролей.
... Был Рубенс «живописцем королей»,
и «королем всех живописцев»*.

«ПОДСОЛНУХИ»

К картине Винсента ван Гога,
музей ван Гога, Амстердам

От букета светло без солнца,
залито светом в ночи оконце...
Каждый цветок неповторим,
и кажется холст нам живым!
Исходит тепло от букета,
в желтых цветах прячется лето.
Подсолнухам хочется жить,
и свет их – не потушить!
Сотворил это чудо Бог,
дав художнику вдохновенье...
Жизнь восславил Винсент ван Гог,
продлив в веках её цветенье.

*) Творчество Рубенса оказало большое влияние на всех европейских художников 17 века. Современники называли его королём художников и художником королей.

Одним движеньем легким кисти
он совершил в умах переворот,
нам завещав на сотни лет вперед –
жить, как цветы, –
не ведая корысти.

«ПЕТР I»

К картине В.А.Серова, 1907г.

Государственная Третьяковская галерея

Петр I семимильными шагами
по бездорожью движется вперед,
осмысливая путь ногами,
к заветной цели он идет!
Он не красив, скорее, – страшен –
на серой хляби, в поисках дороги...
Мы видим на картине только ноги,
и – шаг его, длиною в сажень!
Ему не нужен пьедестал,
с него он вмиг сорвется.
Себя он видит флотоводцем!
... Таким Серову царь предстал,
таким остался Петр в веках –
непобедимым и великим.
Сумел он сбросить времени вериги,
и доказать всем –
«правда есть в ногах!»*

*) Перефразировка известной поговорки: в ногах правды нет!

В РОДНОЙ БОЛЬНИЦЕ

Я забыла свое имя-отчество:
мне свидетельство новое выдано:
я – мама Натальи Леонидовны.
Быть только мамой мне хочется.
Гордилась и мной когда-то больница.
Все реже встречаю знакомые лица,
пришли молодые коллеги
своим путем – «из варяг в греки»!
Моя дочь – потомственный лекарь,
и ей не нужна опека...
Знает все она – где это видано?! –
Наташка – Наталья Леонидовна!
Я дочерью могу гордиться,
я хочу у нее лечиться.
А когда у дочки лечится мама –
это лучшая в мире реклама!

НАТАЛИ

Натали Гагариной

Я вас хотела б видеть на балу
в вечернем платье, с веером в руке...
Чтоб слышали себе вы похвалу
из уст мужских в укромном уголке.
Чтоб друга милого сводили вы с ума,
французским говором и живостью ума!
Иль веер уронили вы случайно,
и друг бы в вас души не чаял...
Хотела б видеть вас хозяйкою двора
старинной родовой усадьбы,
где вы бы поселились после свадьбы,
и вас бы окружала детвора.

Иван Козловский – русский соловей,
«юродивый», и он же «Берендей»!
Не только барышень кумир –
ему рукоплескал весь мир.
Иваны... Три богатыря!
Прожили жизнь они не зря.
Порой, от Родины вдали
ей посвящали письма,
высоко честь ее несли –
для нас их святы имена!
Безбрежен жизни океан,
от ивы – имечко ИВАН.

«ОЗАБОЧЕННЫЙ»*

С картины Христос на меня смотрел –
очень близко, глаза в глаза...
Будто что-то сказать хотел,
видя лишь полутемный зал.
Там было много таких, как я,
но стояла я ближе всех –
в разноголосице бытия
он расслышал мой плач и смех...
И хотелось ему помочь мне
нести нелегкой судьбы крест,
но болью мирской озабоченный,
сквозь меня он глядел окрест.
В каждом селенье – свой Христос,
на него все будут молиться,
и вместе по хляби тащить с ним воз,
краюшкой хлеба и медом делиться...

*) «Иисус Христос» – картина неизвестного художника 19 века в частной коллекции А.Юозайтиса.

Витая в царствии небесном,
Он наши беды знает наперед.
... Писал Христа художник неизвестный.
Его творение – в веках живет.

ГИАЦИНТ*

Я гиацинт держу в руке,
цветок дождей и светлой грусти,
голубоватой речки устье –
в нем ароматов всех букет.
Так пахнет луг, омытый ливнем,
так пахнет лес в разгаре лета...
Он весь из солнечного света,
в нем запах чайных роз и лилий!
Цветок с таинственным названием
пришел к нам из садов Эллады,
прижился в наших палисадах,
наполнив их благоуханьем!
... Восстал из праха юноша прекрасный
и – по велению Апполона –
цветок возрос и голубой, и красный,
став завсегдатаем салонов...
Вновь вижу Гиацинта словно,
гуляющим по городу среди нимф!
Он подарил мне древний миф
и жизнь пахнущее слово.

*) Гиацинт – сын бога Солнца – Апполана случайно гибнет и отец воскрешает любимого сына в виде цветка его имени.

К ПОРТРЕТУ ФЕДОРА ТЮТЧЕВА

Его считали светским львом,
тщедушен был он только с виду...
Языки знал, блистал умом,
и не давал себя в обиду.
Его остроты, каламбуры —
за ним ходили по пятам,
с ума сводили милых дам
и в Мюнхене, и в Петербурге.
Не мог он властвовать собой,
и от себя бежал в салоны...
Любовь! Одной любви запой —
ценил он выше всех законов!
Умел любить так безрассудно,
не ведая ни страха, ни вины.
Презрел карьеру и чины —
его понять нам и легко, и трудно.
Владея даром ясновидца,
просил поэтом — не считать.
«Умом Россию не понять, —
посмел сказать императрице. —
В Россию можно только верить!» —
Слова провиденья — во мне!
... К нему любовь в родной стране,
лишь сердцем можем мы измерить.

ВСТРЕЧА С ВСЕВОЛОДОМ АЗАРОВЫМ

Он неприметное — приметил,
и сверил с сердцем строгий стиль...
Вдруг снял очки и взгляд мой встретил,
и все погрешности простил.

Узрел меж строк и смех, и слезы,
и мысли медленной полет...
Он похвалил мой стих серьезный,
открыв бессрочный, неоплатный счет.

СЛОВО О ЖЕНЩИНЕ

Л.А.

Среди моих друзей есть женщина одна,
ничем особенным не выделяется она:
красива, в меру полновата –
могла б украсить полотно Рембранта!
Она филолог по профессии,
в стихах и книгах знает толк,
и не страдает от депрессии,
и не страшит её дефолт...
«Я всё моё ношу с собой», –
нам говорит и весело смеётся.
Живет в гармонии она с судьбой,
хоть от неё порой ей достаётся.
Ходить по дому любит босиком,
пьёт чай зелёный, но не сладкий...
Кто с ней немного хоть знаком,
тот знает все её повадки.
«Лица не общим выраженьем»*
заорожит и покорит!
Я посвящаю ей стихотворенье –
пусть слово душу озарит.

*) Строка из стихотворения Баратынского

ВОПРОС БЕЗ ОТВЕТА

Аня Горенко не знала сама,
что чудный дар ей дал Господь,
была она от моря без ума,
волной солёной ублажала плоть.

Её душа, младенчески чиста,
цветов и трав вбирала красоту....
Гуляя в Пушкинском саду,
жить начинала с чистого листа.

Взрослеющей душе в угоду
переплавляла сор в стихи,
в них воспевала лебеду
и лопухи!
В любви и в слове обрела свободу.

Сказала милому однажды:
«О, как ты красив, проклятый!»
Родившись в тот день дважды,
стала – Анной Ахматовой.

Женщины ей подражали,
творенья пряча под подушку,
в ней верную видя подружку,
число поэтесс умножали.

Писали, печатали книжки,
временам на потребу...
Молвила Анна:

– Это уж слишком, –
помолясь насущному хлебу.
– Как дому вернуть их любовь? –
её слово слетело с уст, –
дом без любви пуст,
он не стоит причуды любой.

Успела она вопрос нам оставить,
ему в крылатой фразе жить:
«Я женщин научила говорить,
но как их замолчать заставить?!».

* * *

В неё поэты были влюблены,
она их нежно обожала –
и тем в плену держала,
своей не чувствуя вины.

Красавица, какой не видел свет,
ни перед кем от страха не дрожала,
она Поэзией дышала...

Таким запомнился её портрет.

Ей близок был по духу Гумилёв,
и покоряла нежность Блока,
наговорил и Пастернак семь коробов,
в своем романе посвятив ей строки.

Ты не завидуй славе громкой,
и не пытайся тайной обладать –
без имени нисходит благодать,
зови её Прекрасной Незнакомкой.

Такой была Лариса Рейснер*,
о ней я вспомнила не даром:
её назвало время – комиссаром.
... Ты у огня её погрейся.

*) Ларису Рейснер любил Н.Гумилёв, о ней грезил А.Блок, в честь неё Б.Пастернак назвал героиню своего романа «Доктор Живаго» – Ларисой.

Так вот она, Адель, какая —
с французским именем
и русскою душой!
Своим желаньям потакая,
летит из кельи в мир большой!
Известны ей и Лондон, и Париж,
и будит по ночам Биг-Бен.
Ей дарит песни Джо Дассен,
но в сны приходит город
черепичных крыш.
Мила мне лета акварель:
морской пейзаж и лик ромашки.
Восславлю я полёты пташки,
с французским именем Адель.

ДВОЕ

Помню, фильм шёл «Вокзал для двоих»,
смотрели его много раз.
И болели всегда за них,
внимая любви без прикрас.
Все хотели помочь двоим,
видя их счастье воочию...
И мы, до любви охочие,
завидовали тихо им.
В глазах, как в море растворяясь,
в последний раз смотреть, смотреть...
...Наверно, так идут на смерть,
бессмертными всё ж оставаясь.
Фильм открыл нам игры секрет:
актёры не играли — жили!
И вечность сохранила их дуэт:
Людмила Гурченко — Олег Басилашвили.

ПОЭТУ МОРЯ И ЛЮБВИ

Поэт-моряк Марк Кабаков*
забыл дорогу в кабаки,
но не забыл балтийских берегов,
где флотской юности не гаснут маяки.

Где вечно молод городок Балтийск,
и виден с маяка всей жизни окоём.
Не знал ты страха, шёл на риск,
пройдя с любимой путь вдвоём.

Нашёл свою дорожку среди веков,
и свой взрастил у моря сад...
От всех военных моряков
приветствует тебя Калининград!

18.07.2008 г.

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Рвётся нить старых дружб и связей,
как в болоте, мы в жизни вязнем...
Но хвалю я болото своё, как кулик,
хоть печален сегодня мой лик.

Как смириться с бесценной утратой?
Где вы, те, что со мною шли рядом?
На вопросы мои нет ответа:
разбросала судьба нас по свету.

*) Капитан I ранга в отставке, служил на Балтике. Сейчас живёт в Москве.

Но я помню всех вас поимённо –
бескорыстных весёлых друзей.
...Превратилось сердце в музей,
где хранятся дружбы знамёна!

ПАМЯТИ ДРУГА

Офицер-подводник Коломиец,
друг мой Валерий Николаевич.
«Наш Болотов» был не ленивец –
природы тайны он хотел постичь...

Знал все повадки каждой птицы
на любимой Куршской косе,
а цветы узнавал «по лицам»,
шагая чуть свет по росе...

На море, лес ... глядел с любовью,
и находил в поэзии блаженство.
И начинание любое
старался довести до совершенства.
Мои стихи, стихи друзей
любил читать он наизусть...
И говорил: – Все слышат пусть,
и пусть
век занесёт их на скрижали дней.

Он был борцом и просветителем...
Пришёл на встречу, преодолая боль,
и выиграл свой последний бой,
для всех оставшись победителем.

Местная экзотика

РОМАН С КАМНЕМ

Я говорила с камнем у пруда,
касаясь он травы могучей грудью...
Он был знаком с моею грустью,
и голос узнавал мой без труда.
Беседовали мы о разном:
о муравьях, живущих рядом с ним,
о белом клевере и красном,
который с детства мной любим!
Друг друга знали мы три года,
встречались каждый день почти...
Мешала иногда погода,
и говорила я ему: «Прости!»
Кукушка нам года считала,
и куковать не уставала.
И я, теряя счет годам,
домой спешила, как всегда.
Я уходила, чтоб вернуться,
и сон ему свой рассказать:
– Смог камень человеком обернуться,
смог камень человеком стать!
Почудился мне тихий стон,
и показалось – каменное сердце бьется!
Но это был уже не сон –
порхала бабочка, светило солнце.
Я знаю, кто-то усмехнется,
– Так не бывает, – скажет он.
Мне с камнем хорошо поется,
он мной давно одушевлен.

НА ОЗЕРЕ

Хорошо майским днем у воды:
поют лягушки на все лады!
Заливаются, как соловьи,
видно, свадьбы справляют свои.
Читаю книгу, присев в холодке,
но нет мне улады от чтенья,
я лягушек слушаю пенью:
– Ква-ква-ква, бреке-ке.
Заводят со мной они разговор,
славя вешнего дня благодать...
Ивана-царевича кличет хор –
царевной каждой хочется стать!
На нас они очень похожи,
понятны без перевода «ква-ква»:
– Мы своей стесняемся кожи,
о модном платье болит голова...
Я пытаюсь книгу читать,
но прочла лишь страницу едва.
Хор лягушек пел: – Ква-ква-ква, –
и хотелось ему подпевать.
Вместе с ним петь «а капелла»,
вживую, без фонограмм.
В тихой заводи жизнь кипела,
увлекая в свой тарарам!

ТРОПИНКА В ЛЕТО

Я в восторге от местной экзотики:
вдоль тропинки – соцветия-зонтики
золотисто-желтого цвета
и дурманяще пахнут при этом!

Не знаю цветов я названья,
ни имени, и ни отчества...
Я во власти их обаяния –
безымянной меж ними быть хочется!
Безымянной, но не безликой –
свет в каждой морщинке лика,
в глазах – синь небес, короткая стрижка,
душа – нараспашку, в руке – книжка.
Впитав ароматы цветов и свет,
подумать мне страшно и лестно,
что Время, приметив мой след,
пишет с меня «Портрет неизвестной».
Мила мне тропинка в лето,
нет у меня кабриолета.
Я – дитя своего времени,
но Крамского люблю, тем не менее.

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Я отлежала себе все бока,
отлежала живот и спину,
но смогла «взять быка за рога»
и снова взойти на вершину
холма, что за домом неподалеку...
Стою на откосе и – слава Богу! –
знаю, он – не Эльбрус двуглавый,
я в пути, и – это главное.

ПЕРСИДСКИЙ ЧАЙ

Чай «Тысяча и одна ночь»
мы пили в полдень, зимним днем.
Из дома горе гнали прочь, крича ему:
– Гори огнем!

И верил Шахразаде ты,
что мудрым сказкам нет конца!
И бились тихо, в унисон сердца,
и были наши помыслы чисты.
Витал жасмина аромат,
ценили мы минуты чаепитий,
пытаясь в ворохе событий,
найти крупинку счастья наугад...
Напившись чая под завязку,
отпор давали мы любой беде!
И уходили, как герои, в сказку,
с названьем:

«Тысяча и один день»

ПОЭТ И КОТ

Владея даром красноречья,
поэт все чувства вкладывал в слова:
в глаголы, междометья и наречья...
От них, порой, кружилась голова!
Любимого кота в стихах он «утопил»,
ему давая имена и клички.
Но оставался кот – живым,
и всех царапал по привычке.
Кусал он и любителя словес,
поэт вопил: – Его попутал бес,
Не знаю, как тут быть?
И – продолжал его любить!
Погладил молча он кота,
и кот лизнул ему ладонь,
был за него готов идти в огонь...
О, чувств – святая простота!

* * *

Цветет василек во ржи,
своей красоты стесняясь,
Быть незаметным стараясь...
А по сути он – хлеб для души.
Цветок полевой и злак –
подружились давно и крепко!
В их дружбе особый смак,
природы узорная лепка.
Приник к васильку – колосок,
переплелись в земле их корни.
Плоть и душу издревле кормят:
синь неба и хлеба кусок.

ЛЕСНАЯ ТИШИНА

В разгаре лета птицы не поют,
но в птичьих семьях все благополучно:
они птенцов крикливых ждут,
сидят на гнездах неотлучно.
Живут, как правило, в «гражданском браке»,
свободу здесь умеют почитать...
Летать птенцов научит мать,
отец покажет, как держаться в драке!
В июле птицам не до песен:
птенцам укромный уголок уж тесен...
Летят все дальше – не попали б в сети!
Проблема старая – отцы и дети.
А лето плавно переходит в осень,
и все темнее неба просинь,
и все светлее меж деревьев простор...
Горит рябиновый костер!
Птенцы шалить уж перестали,
и песни новые поет семья...

Готовятся к отлету птичьей стаи –
не близок путь их в теплые края.
... А я мечтой лишь в облаках витаю,
и никуда не улетаю.
Моих дорог сомкнулся круг –
я остаюсь в кольце житейских выюг.

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Слышу в глубинке курантов бой,
о столице мечтает каждый!
Прописали мне годы – покой:
мой грядущий день – в дне вчерашнем.
Не могу я поехать в Москву
и пойти, как раньше, в Большой.
Осязая время душой,
я столичным духом живу.
Дорог Пушкин мне на Тверской,
и Есенин – неподалеку...
Им стоять здесь в веках рядком
в центре России, не сбоку-припеку.
Врезаюсь в память бульдозером:
совершаю к прудам прогулки...
Здесь мое «Лебединое озеро»
и Арбатские переулки.

* * *

«Зри в корень...»

Козьма Прутков

Не знаю, чем меня прельстил лопух:
листом широким иль могучей статью?
«В здоровом теле – здоровый дух», –
о нем подумала я кстати.

Царил лопух над мелкотравьем,
одаривая луг репьем.
Он на колени всех поставил,
заботясь о потомстве лишь своем!
Средь сорняков он был хорош:
высок, могуч и непокорен!
Козьма Прутков сказал:
– Зри в корень,
и в каждом красоту найдешь!

ЖИТЕЙСКИЙ УРОК

Ты подал ей руку первым,
хоть и знал – была она стервой!
При случае больно укусит,
и своего не упустит...
Я сказала другу потом:
– Ты был трусливым котом!
На что он ответил мне тихо:
– Но она неплохая портниха,
к тому же живет одна.
Сварлива порой, но все же – умна.
Искру зла раздувать не стоит,
зло разрушает, добро – строит!
Надо уметь ладить с людьми,
и не брать на себя роль судьи.
... Таков был друга ответ,
в душе он оставил след.

СВЯТАЯ ЛОЖЬ

О, сколько раз пыталась обмануть себя:
богата я, сильна и весела...
Но жизни правдолюбца – пчела
лжи не прощала мне, меня любя,
и жалила: то в бровь, то где-то у виска.

И я в ответ в кулак скулила,
сдавалась и твердила:
– Да, да. Любая ложь низка,
и я смогу ее стрелой каленой выжечь!
Святую правду возлюбя.
... Но продолжаю я обманывать себя –
иначе мне не выжить.

НА ЗАСЛУЖЕННОМ ОТДЫХЕ

Вихрь лета подхватил меня,
да, видно, крылышки уже не те.
Я поняла: корм не в коня –
мне легче было в борозде!
Живу среди цветов в саду:
настало время отдыхать...
Учусь у бабочек порхать,
стихи роняя в борозду...
Авось слова вдруг прорастут,
авось возьмут и зацветут!
Скажу спасибо борозде –
«светить и никаких гвоздей!»

* * *

«Мы в ответе за тех, кого приручили»

Антуан Сент Экзюпери

Подружилась я с Бытовухой,
очень мудрой и хитрой старухой.
Всему она меня научила,
а точнее сказать – приручила!
Очертила мои границы:
дом и двор – вот пространство мое...
А за домом в лесу – пели птицы,
и манило в лес Бытие!

Был дом Мироздания частью,
а двор упирался в поле.
И не было большего счастья,
чем вырваться вдруг на волю!
Но я стирала, кроила и шила,
готовила завтрак, обед...
И от судьбы сбегать не спешила:
в моей несвободе таился свет.
Распахнула души оконце
в яркий праздник среди серых буден.
Стих родился с восходом солнца,
и нашел дорогу он к людям.
Не скрывала радости Бытовуха
и поведала мне на ухо:
— Я сделала все, как учили:
«Мы в ответе за тех, кого приручили»

* * *

Коль дела мои плохи —
сочиняю я стихи.
Ублажаю словом душу,
чтоб не сесть случайно в лужу.
Если жизнь, как чай несладкий —
для стихов беру тетрадки.
добавляю, год от года,
в грусть элегий — ложку меда.
Ну, а если, все, как надо:
дом в порядке, в сердце радость,
и не мучают грехи —
не нужны тогда стихи.
Не нужны тогда чернила,
без стихов — все сердцу мило:
солнца свет и ночи тьма...

И жизнь – поэзия сама!
... Часы песочные переверну,
и потекут вдруг годы вспять...
Мне помогли стихи понять,
как сохранить в душе весну.

МЫ ВЫШЛИ ИЗ ШЕСТИДЕСЯТЫХ...

Вспыхнула вдруг эпидемия:
проник сквозь ограды вирус Поэзии...
Болели люди любой профессии –
от грузчика до академика.
Бредили все стихами,
воспевая сор под ногами.
Открывали друг другу сердце,
воскрешая в себе милосердие.
Над собой «стали чаще смеяться»,
вспоминали Бродского – «тунеядца».
Мы пели песни Высоцкого,
в горы стремясь от житья скотского.
Трудились все дружно, на совесть:
писали элегии, оды, сонеты,
проторя тропинку к свету!
Писали жизни своей повесть...
Никакой работой не брезгуя,
мы породнились с Поэзией!
Очаг эпидемии вскоре угас,
но остался вирус в крови у нас...
Творим молитвы мы в одиночку:
«Во имя Отца, Сына и Святого Духа»...
Божья искра в нас не потухла,
и рано еще ставить точку...

МАДРИГАЛ*

Стареющая женщина наедине с собой
дыхание второе обрети.
Ты лет своих не будь рабой,
и без причины не грусти.
Не уходи от Мира в свой мирок,
поблекнувшие краски освежи...
Не обещай, и не давай зарок,
что не найти соблазна для души.
На платье новое ты, право, не скупись,
о возрасте своем не сожалей!
В глаза любимого, как в зеркало глядись,
в его глазах ты с каждым днем милей.
Сумей, как прежде, не печалить лик –
твой жизни путь продлен в веках.
Тебе даруют радости родник
летающие дожди и белые снега...
Склонилась ива над водой,
в траве мелькнула тень весла...
Стареющая женщина, останься молодой,
твори добро. Будь весела!

МАМА РАССКАЗЫВАЕТ...

Смолоду все помню
зорьку поутру,
у колодца полны
ведра у подруг.
Плещется водица,
колосится рожь.

*) Жанр идиллической лирики 14 века, порой интимно-шуточного характера, часто - это комплимент женщине

Бела дня светлица –
каждый кут пригож.
Красно лето помню,
зелену траву,
сенокосный полдень,
Сорви-голову...

Мама засмеется,
станет молодой –
памяти колодцы
с живою водой.

ДРУЖЕСКИЙ СОЮЗ

Нарисовать не каждый сможет
старинный замок иль пейзаж,
Но он, взволнованный до дрожи,
подарит другу свой мираж...
Запечатлит художник на картине
тот замок у реки, цветы в долине,
берез зеленокосых хоровод...
На полотне – виденье оживет!
Не каждый в тишине услышит
разноголосицу времен,
но композитор музыку напишет,
и поплывет в веках «Вечерний звон».
Чтоб выразить любовь свою к предмету, –
затмит твой разум солнца свет! –
все скажет за тебя поэт,
оставив в сердце счастья мету.
Живопись, поэзия и музыка –
озвучат и раскрасят Бытие!
И найдет Творец в тебе союзника,
как говорится, каждому – свое.

РУКОТВОРНАЯ ЛУЖАЙКА

Ларе

*«О, если б знали, из какого
Сора растут стихи, не ведая стыда.
Как одуванчик у забора,
и лопухи, и лебеда».*

Анна Ахматова

– Что делаешь? – спросила я подругу.
В ответ услышала: – Просеиваю землю!
Ее словам с восторгом внемлю:
они попались мне «под руку».
Подумала: «Очистить землю от грехов!
Как это благородно, смело...»
Увидела – вот тема для стихов,
и надобно воспеть благое дело.
Земли просеять целый воз,
но для чего сей труд безумный:
потехи ради иль всерьез?
Не лучше ль скушать фунт изюма?
– Решили сделать под окном лужайку,
землицей чистою усыпать двор,
зеленый будет здесь ковер...
Для красоты и сил не жалко!
... Взошла породистая поросль,
а рядом у забора – лопухи!
Растут они с красивой травкой порознь,
но вместе с ней войдут в мои стихи...
Блестит лужайка и лучится,
ни одного нет сорняка.
Природа, «воспитаю ученика,
чтоб было у кого учиться»*.

*) Слова поэта Е. Винокурова

ОДА ЧЕЛОВЕКУ

Геннадию Моногаеву

Я часто вспоминаю Диогена:
искал он человека с фонарём!
В нас скрыты не его ли гены? –
Друзей мы ищем днём с огнём.

Мысль вызревает в пламени свечи,
и требует она огранки...
Шалит с огнём, как девочка в панамке,
горит, как лунный диск в ночи.

С философом я свидеться не чаю:
блуждает он в ушедшем дне.
Я оду человеку посвящаю –
случайно встретился он мне.

Напоминал он чем-то Диогена,
дарующего людям свет...
Продлил он в мир моей тропинки след,
и мне открылся путь...

Спасибо, Гена!

АЛЛО, АЛЛО!

Ты живешь у самого моря,
расскажи, какое оно, –
цвета радости или горя –
мой мобильник расслышит, но...
Расскажи мне, какие песни
поет по утрам прибой?
Ты мелодию мне напой,
чтоб ее услышала здесь я.
Чтоб увидела я сквозь морок
алый парус твой вдалеке.

Телефон я сжимаю в руке:
– Говори, говори мне про море...

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Тропку к морю я забыла,
заблудилась в веснах...
Лодку к берегу прибило,
потерялись весла.
Замело мой след снегами,
темень в горних высях.
Но живой осталась память,
не замерзли мысли.
Оживает сон вчерашний
в утреннем тумане:
в море белые барашки
вновь волною манят.
Встану рано, на рассвете
и заброшу в море сети!
... Затрепещет средь улова
золотою рыбкой – слово!

БЕЛАЯ КНИГА ЗИМЫ

Пишет книгу свою Зима,
я пытаюсь ее прочесть.
В белоснежных, пухлых томах –
загадок природы не счесть!
Деревья в тулупчиках зимних,
стали все на одно лицо.
Скрывают свое имя
под белым, жемчужным венцом!
А сколько следов на снегу:
от лапок, ног, башмаков разных...

Будто битва здесь шла, иль праздник –
разобраться я не могу.
Детективный вижу сюжет,
человеком он писан, не бесом.
Берет гончая заячий след
и гонит его лесом.
Сюжет заранее выстроен,
ускорен событий ход.
Где-то рядом гремят выстрелы –
добыча охотника ждет!
Вот следок узорчатой шины,
похож он на древний персидский слог.
Но – это автограф машины,
оставленный нам между строк.
... Белая книга Зимы,
я листаю ее страницы.
В ней прописаны: звери, птицы,
оставили след свой и мы!
Все острее жизни интрига...
Нами пишется Красная книга
для редких зверей, растений и птиц –
в ней все больше и больше страниц!

УТРЕННИЕ СТИХИ

Как древние инклюзы в янтаре,
стихи, рождённые на утренней заре
в пространстве Балтики родной...
Их пропитало море глубиной.
В века дремучие они погружены,
и днём сегодняшним обрамлены.
Так на исходе ночи мудро
стихам родиться повелело утро.

Строку получше рассмотри –
в словах струится свет зари,
в них оживают бабочки и муравьи...
Откуда вы пришли, стихи мои?

ЯНТАРНАЯ РОЗА

Догорала заря...
Мастер был сам не свой:
на кусок янтаря
он глядел день-деньской.
Показалось ему –
в камне роза внутри!
Прорывался сквозь тьму
алый отблеск зари.
И надумал творец
высечь розы цветок,
им украсив ларец
к лепестку лепесток.
И цветок заалел,
засиял, задышал...
Мастер всё одолел
и – запела душа!
Вытер пот он с чела,
наблюдая тайком,
как кружится пчела
над янтарным цветком.

*Игре
все возрасты покорны*

ОПАСНЫЕ ИГРЫ

«Если звёзды зажигают,
значит это кому-то нужно»* ,
а нам сегодня стриптиз предлагают
в модных клубах ночных душных.
Значит, кому-то нужно другое,
не звёзды видеть,
а тело нагое...

Лицезреть прилюдно
процесс обнажения,
забыв про стыд и унижение
той, на подмостках сцены,
набивающей трюками цену.
... Под прицелами алчущих взглядов
смотрит в зал она виновато.
Уже сброшены все одежды,
осталось лишь снять босоножки,
и уйти к тому,
кого любит неистово!
... Так обнажается И с т и н а
одинокая и бездомная,
сердцем Поэта ведомая,
от Елисейских полей
до Арбата.
от пули в висок
до цикуты Сократа,
отвергая весь путь ложный.
Приручить Истину – невозможно!

*) Строки из стихотворения В.Маяковского

ИГРОК

Игра любая – поединок,
не важно с кем, не важно в чём...
Играющему – всё едино:
сразиться в казино,

разить мечом,
иль на трибуне ипподрома
кричать любимице:

– Давай, давай!

Забыв о службе и о доме,
делить успеха каравай.

Игрок, азартом опьянённый,
сдаётся добровольно в плен...

Но, вдруг фортуною спасённый,
он поднимается с колен!

Он – царь и Бог одновременно,
победы сорван куш!

Фанфары все играют туш,
но он – игрок, и непременно,
познав свободы вкус,

вступает с дьяволом в союз,
чтоб вновь душой гореть в огне,
быть под конём и на коне!

... И я шепчу ему: – Держись!
Бушующее море – жизнь!

ГЕНИЙ – ИГРОК!

Слыл Моцарт в Зальцбурге картежником
и часто залезал в долги.

Он сильной страсти стал заложником,
в игорных залах проводя деньки.

Расплачивался музыкой за страсть,

в бессилии терзая ноты,

и чтоб в уныние не впасть,

он не чурался никакой работы.

Но был в любви разборчив и спесив:

любил одну Луизу безответно!

Лишь с нею рядом был красив,

как в горней выси –

луч рассветный.

Игрой на скрипке исцелял он раны,

был на коне и – под конем...

Он обожал азарт во всем,

талантом покоряя страны!

Семь нот, как семь замков,

он открывал, как истинный домушник.

Высвобождая звуки из оков,

лелеял Моцарт души их.

Доверяясь музыке и року,

жил на широкую он ногу!

И пусть завидуют враги –

мы платим на века вперед его долги.

БАЙКЕРЫ

Железных оседлав коней,
несутся байкеры по улицам старинным,
вместив в себя всю смуту дней,
над ней всплывают, будто субмарины,
готовые к атаке лобовой!
Взрывают сон рутины вековой...
умножив мастерства азы,
на жизнь вперед дав фору.
За содержание и форму –
вручает время им призы!
К утру иссякнет их бойцовский дух,
затихнут байкеры в дубраве.
Остатки сил снесут на круг,
«коней» рядком поставив бравых.
И разметавшись на траве, как дети,
уснут... И будет ночь им всласть.
И в сон придут к ним прадеды и деды –
признав над Временем их власть!

ИГРА НА БАРАБАНАХ

Бьем в барабаны, бьем в барабаны!
Оседлали байкеры автобаны...
Песни бардов давно устарели,
никому не нужны менестрели.
Не нужны нам «ахи» и «охи» –
ты пройди по лезвию бритвы!
И – услышишь ты новые ритмы
незнакомой тебе эпохи.
Бейте, девочки, в барабаны,
бейте, милые, посильней!

Исцеляйте сердечные раны,
нанесенные скальпелем дней.
Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та –
слетают с натянутой кожи,
ритмы слов, знакомых до дрожи:
«Мир спасет красота!»
В ваших руках она, девочки,
из ребра Адамова – Евочки!
Веселей в барабаны бейте,
и в рай на Земле – поверьте!

ТРОФЕЙНОЕ КИНО

«Не жалею, не зову, не плачу...» –
открыло мне Поэзию – кино!
Но это было так давно,
полвека с гаком, не иначе.
Мой первый стих утерян безвозвратно,
его героем был Тарзан.
Он в джунглях рос среди обезьян –
и мне писать о нем отрадно.
Умел он плавать, прыгать, ржать –
его всему учила Чита*.
И мы ему, завидуя открыто,
во всем старались подражать.
Играли классом мы в «Тарзана» –
не помню веселей игры! –
веревка нам была лианой,
и клен знавал проказы детворы...
... Я потеряла первый стих,
но ждал Пегас меня за дверью,
и я сумела возместить потерю:
на столике моем – все десять книг!

*) Кличка обезьяны в трофейном кинофильме «Тарзан»

Я написать их не мечтала,
и в этом, видно, весь секрет:
лиха беда – начало,
но не было бы больших бед!
В кино давно я не хожу,
смотрю теперь лишь телевизор...
А вот стихи –
 всю жизнь пишу.
Мне Всеволод Азаров «выдал визу»*.

ЗАБЫТАЯ ИГРА ДЕТСТВА

Море волнуется – раз,
Море волнуется – два,
Море волнуется – три...
«Морская фигура» – замри!
Брожу у моря в который раз,
беседую с другом, с глазу на глаз...
Слышу, море мне говорит:
– «Морская фигура» – замри!
Застыла я в позе «морской звезды»,
стою не дыша у края мечты!
Желанного жду касанья –
с морем играть одно наказанье.
На него мне страшно смотреть,
я и впрямь могу умереть...
Накрыла волна меня с головой,
и снова «звезда» моя стала живой!
Поет мне песни прибой...
А если – это любовь?
Как могла на игру я решиться:
мне кажется, все это снится.

*) Мои первые стихи заметил и похвалил Всеволод Азаров

Но вижу я сон наяву:
я люблю, и значит, живу!
С морем на равных – играют лишь дети,
и нет игры веселее на свете!
А взрослые – делят с ним жизнь и любовь,
и называют все это – судьбой!

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ

Стою на столе, будто на троне,
шляпка моя подобна короне!
Любима мамой и отцом,
я в доме – первое лицо.
Поджала губки я жеманно –
ребенок – баловень желанный.
Мне три или четыре года,
позирую отцу в угоду.
Служу ему фотомodelью
в его девятиметровой келье.
... Нет мамы, нет отца уже,
а фотоснимок, как бальзам душе.

БЕЛАЯ ВОРОНА

Говорю я девочке скромной,
талантами одаренной:
– Не будь ты белой вороной,
не сиди с книжкой дома.
Выходи на свет из тени –
кто таланты твои оценит?
Тиха, молчалива, покорна...
Заклюют тебя вороны черные!

В ответ она мне сказала:
– А вдруг они станут «белыми»,
и я их друзьями сделаю!
Видно, девочку плохо я знала.
Захотелось мне детство свое повторить,
и, как прежде, с ней вместе сыграть:
«да» и «нет» не говорить,
черное с белым не называть!

АЗ, БУКИ, ВЕДИ...

Жизни азбука – словечки:
танцевать учишь от печки!
Раз – два – три, и раз – два – три,
ты раз сорок повтори.
Выгни спинку, будто кошка,
посмотри, как пляшут дети:
руки – в боки, топни ножкой –
сделай так еще раз десять!
Зная танца пируэты,
ты про «печку» позабуди.
Но, коль хочешь стать Поэтом –
кошкой стань. Ребенком будь.
Мастерству у них учишь,
и добьешься ты успеха.
Ведь искусство – это жизнь,
танец твой – ее потеха!

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Мне очень нужен свежий взгляд
на жизнь, слова, стихи...
Ищу тропинку наугад
среди бурь житейских и стихий.

Мне свежая потребна голова,
чтоб рассудила – жизнь, стихи, слова.
Прошу я дочь ко мне придти,
и ясность полную внести!
Дочь, улыбаясь, говорит:
– Твой новый стих меня бодрит!
За слово крепче ты держись:
в нем – свежесть утра прячет жизнь!
Спасибо, дочка, за совет,
он нужен мне на склоне лет.
В твоей руке – моя рука,
несет нас Времени река.

ИГРА В ПРЯТКИ

Простые правила игры
известны с детской нам поры:
в игре друзей не подводить,
и все ж стараться победить!
Играем в прятки мы всю жизнь,
и ты по ветру нос держи:
– Раз – два – три – четыре – пять,
я иду искать!
Ты до поры вперед не рвись,
в укромном месте затаись...
Момент удобный улови,
и о себе всем заяви!
Смекалку, хитрость детворы –
все помнят старые дворы.
Уловки ребятни нужны и нам,
поднаторевшим игрокам!
Ты не сумел сегодня победить,
и слышишь крик вослед:
– Тебе водить!

И снова ты идешь искать
вчерашний день иль прошлогодний снег —
не двор, а жизнь стараясь прочесать.
Пройдя сквозь шутки, сплетни, смех —
вдруг померещился тебе успех.
Вот «засветился» за углом хитрец,
и ты его «застукал» наконец!
Свободен, счастлив ты теперь,
но — метит шельму Бог в тебе!
— А не сыграть ли... в третий лишний? —
ты говоришь, собрав детей!
И снова ты в плену у жизни,
в плену азарта и затей...

* * *

Не думала, что мне на склоне лет,
играть придется в жмурки...
Повязка на глазах, и — света нет,
а вокруг меня народец юркий!
Один кричит: — Кукареку!
Другой овцою блеет.
Его узнать по голосу могу —
он за меня «болеет».
А тот, кто молча ходит,
щипнуть больнее норовит,
спокоен он и деловит —
ведь для него игра лишь хобби.
Ну как ему меня понять:
я не могу повязку снять,
чтоб ущипнуть его в ответ...
И я кричу: «Да будет свет!»
И хоть не вижу ничего,
хватаю за рукав его!

Вернула смелость зренье мне –
поймала шутника во тьме.
С повязкой на глазах он присмирел,
его щипали все, кто смел...
Вертелся вокруг себя и падал с ног –
всю боль слепого ощутить он смог.
... Теперь он зрячим стал вдвойне:
в беде плечо подставил мне.

* * *

Я вновь осталась в дураках,
играя в карты, в «дурака».
Себя утешу наперед:
всем дуракам в любви везет!
Ну, а любовь – она со мной,
и – это главный козырь мой.
С ним не страшны любые бури мне –
я побеждаю в буриме!
«Поэзия должна быть глуповатой»,
мне Пушкина слова – душе услада.

* * *

Любимая игра – абракадабра –
я слышу юности счастливый смех.
От смеха мы лишились речи дара,
при чтении анонимных мыслей тех.
Один спешил «зачетку» съесть,
другая ревновала к «фуге Баха».
А некто третий – хотел
 ослу на шею сесть
и петь про «мальчика из Карабаха»!
Мы хохотали до упаду,
до колик в животе, до слез...

Смеяться над собой нам было надо,
чтоб стал полегче – жизни воз.
Себя мы тешили игрой,
не думая о смысле жизни.
Любили бескорыстно ближних,
и целовались под луной!
.....
То время скрылось за горой.

БОЛЬШОЙ ФУТБОЛ

Нас всех футбольный заразил сезон,
не разбирая возраста и чина.
Европа вся – огромный стадион,
больны футболом мы неизлечимо.
Болеют с нами вместе: внуки, дети,
друзья, знакомые, соседи...
Болезни этой – нет страшней:
кричим в запале: – По воротам бей!
Сидим, уткнувшись в телевизор,
забыв про ужин и про сон.
Бессилен нам помочь провизор –
вся жизнь поставлена на кон!
Вновь мир на «наших» и «не наших»
на время матча разделен!
И нет минуты краше,
когда соперник побежден!
Как мяч футбольный вертится планета,
и ей смеяться с нами и кричать...
«Но пораженья от победы,
ты сам не должен отличать»*.

*) Строки из стихотворения Б.Пастернака

КАПРИЗЫ АФОРИЗМОВ

* * *

Изречение это давно известно:
в здоровом теле – здоровый дух!
Но жить им вместе тесно,
и достается нам одно из двух.

* * *

В огне не ищут броду:
огонь – стихия, океан!
Но, помни, ты в ней – капитан:
успей, как Немо, погрузиться в воду.

* * *

«Все мое ношу с собой»,
и с каждым годом я коплю все больше!
О, помоги понять мне, Боже,
как управлять судьбой?

* * *

Нелегко свой крест нести:
жизнь прожить – не поле перейти.
А ты в себе их – совмести,
и в поле жизни корешки пусти.

* * *

Светит солнце зимой, да не греет,
«Видно, оно болеет?» –
говорит мне девочка одна.
Не по годам она умна!

* * *

Дразнили в детстве мы гусей,
стараясь страхом пренебречь.
Пускай игра не стоит свеч,
но опыт стоит жизни всей!

* * *

Тяжела ты, «шапка Мономаха» –
плачется подруга, как дитя.
– Сними ее, стань «обнаженной Махой», –
я ей советую шутя.

* * *

Хорошо смеется тот, кто смеется последним,
слушая хохмы, байки и сплетни.
Когда у первого – сдают нервы,
последний смеется над первым!

* * *

Кошка любит гулять сама по себе,
доверяясь блаженной своей судьбе.
Но того, кто сумеет ее приручить,
сможет из сотни его отличить!

* * *

Свято место – пусто не бывает:
все пустоши жизнь засеивает
сорной травой, цветами и злаками...
Но не всякому полю –
быть знаковым.

* * *

«Власть над собой – высшая власть»!
Можешь покуражиться всласть,
обвинить себя, оправдать, дать срок...
... Все же высший судья – Бог!

* * *

Никто не вечен под луной,
уйдем и мы когда-то в мир иной...
Но не болит об этом голова:
останутся поступки и слова.

* * *

Дорогу осилит идущий...
А если человек прикован к постели?
Одолееет дорогу к цели
Дух его всемогущий!

* * *

Что посеешь – то пожнешь:
васильков букет иль рожь...
А коль момент упустишь –
найдеешь дитя в капусте.

* * *

Ослу нужны лишь пища, груз и кнут –
Бедняге с предками не повезло...
Ему б сосватать «Девушку с веслом» –
брак по большому счету был бы тут!

* * *

На всякого мудреца довольно простоты.
И простота нужна, коль не пуста...
В ней суть незримой красоты,
что ублажает мудрости уста.

* * *

«Никто не забыт, ничто не забыто»,
каждое имя свято!
Но плачет память у разбитого корыта –
вся в цветах могила
Неизвестного солдата!

* * *

Человеку присуща бравада:
сила есть – ума не надо!
Но с умом ты сильнее втрое!
Вспомни, как греки взяли Трою.

* * *

Из песни слова не выкинешь –
страшное дело выкидыш!
А вдруг – это «Слово о полку...»?
Повидали много мы на своем веку.

* * *

Пока живу – надеюсь:
живу на земле не напрасно,
но жить по чести – всегда опасно:
погибли многие за идею!

* * *

У таланта – ума палата,
и дверь распахнута настезь!
«Краткость – сестра таланта»,
но суть ее – родством не застишь!

Белый квадрат

ОСТАНОВИСЬ МГНОВЕНЬЕ!

Запомнился мне зимний Светлогорск,
был променад почти пустой...
Спускался к морю берега откос,
с зелёной нестареющей сосной.
Царил на побережье лёгкий бриз,
и пахло в воздухе весной.
Вдруг промелькнул зелёный свет
среди брызг,
как будто прятался он за сосной.
Сверкнул, как молния, из туч,
коснулся волн и серых льдин...
Виденье длилось миг один -
я видела зелёный луч!
Пронзил стрелой он окоём,
я мечена его огнём.
Не часто видишь миражи,
но будешь помнить их всю жизнь.

«ВЕЩЬ В СЕБЕ»*

Ощупываю вещь вслепую
и чувствую: она тверда,
имеет линию кривую:
 овал – подобье рта.
Но вещь молчит и выгибает стан,
не отвечая на мои уловки.
Её я глажу по головке
и говорю: – Послушной стань.
Не причиню вреда тебе,
не потревожу чуткий сон твой...
Со мною рядом «вещь в себе», –
даль, опоясанная горизонтом.

*) Философский термин непознанного

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ЛЮБВИ

Сага в стихах

Четыре женщины во сне
назначили свиданье мне,
сказав, что мы знакомы...
Как раз я оказалась дома.
Из юности пришла Весна,
с корзиной ландышей лесных.
Была застенчива она,
сказала: – Подарил жених.
– Да-да... Припоминаю...
Всё было, вроде, в мае,
и, кажется, со мной...
Цветы украсили сон мой!

Услышав стук за дверью где-то,
я поспешила дверь открыть...
Вбежала женщина: – Я – Лето.
Вы не могли меня забыть!
Я прилетела к вам из Сочи,
вас помнит южный город-сад.
Вот персики, черешня, виноград –
я знаю, дети будут рады очень.
– Я встрече с вами рада тоже,
бывала в Сочи я не раз.
Там встретила любви свой звёздный час.
Продли мой сон прекрасный, Боже!

Богатой нищенкой явилась Осень,
она пришла, узнав о встрече.

Сквозь сон вдруг слышу:

– Просим, просим!

То пела Вайкуле: – Ещё не вечер...

Кричу во сне я:

– Браво, бис!

Нас Юрмала очаровала.

И мы стояли вместе у причала,

и видели: уходит дальше жизнь.

Закат уж близился, сгущалась тьма...

– Пошли со мной, – я им сказала, –
дойдем мы только до вокзала.

Там заждалась меня Зима.

Тут мне проснуться б надо,

но сон мой длился без конца...

И бились наши в унисон сердца...

На склоне лет нашла меня отрада.

Зима приюта попросила,

и гостью в дом я пригласила...

Мы сели все за общий стол,

и был похож он на престол,

где правила одна Любовь,

и почитаем возраст был любой.

Мы пировали до утра...

Однако, мне вставать пора.

Ну, а подружки пусть поспят:

под ушко – белый им квадрат.

Четыре возраста любви

сошлись нечаянно во сне

и подарили – юность внуков мне!

... И вновь запели соловьи.

БЕЛЫЙ КВАДРАТ

Я рисую белый квадрат –
четыре стороны света...
Временами года душа согрета,
и зима, и лето радуют взгляд.
Я рисую белый квадрат
и вижу семь цветов радуги:
на траве – росинки горят
огнями вселенской радости.
Малевича квадрат чёрный
на одиночество обречённый.
Символ смертной тоски и ночи,
но вижу я в нём – многоточие...
Колдую над белым квадратом, –
антиподом картины Малевича –
пусть он станет ему собратом,
другом любящим и жалеющим...
Не посягая на славу его
и признавая за ним право шедевра,
я восстанавливаю «status quo»:
талант не купишь ни за рубли, ни за евро!

* * *

Была вчера ещё я орлицей
зорким взглядом взирала на землю.
А сегодня, как узник в темнице,
я свету в оконце внемлю.
Прикована хворью к постели,
как Прометей к скале...
А за окнами – звон капели:
идёт весна по земле!
Хорошо, есть перо и бумага!

Стих-птенец встаёт на крыло
и выходит сквозь стены из мрака
в весенний простор, где светло.
Сижу, как в башне «Дер Дона»,
за чёрной решёткой дней,
а стих мой стрелой Купидона
пронзает сердца людей.
Любовь творит чудеса,
прикасаюсь душой к небесам,
встав над своей болью, –
дарит стих мне весну и волю!

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ*

А.С. Апурину

От жизни до смерти – лишь шаг,
но остаться в живых есть шанс
у одного процента из ста.
И арифметика здесь проста...
Ты считаешь лет этажи,
а несчастный случай – он тут, как тут...
И тебя уже на носилках несут,
и ты громко кричишь. Значит, жив!
Но всё тише и тише твой крик –
коварный уж близок миг.
И ты – между жизнью и смертью ничей –
попадаешь в руки врачей.
Длинной иглы остриё
пронзает сердце твоё...

*) В январе 2009 года получила перелом бедра, перенесла операцию, училась ходить заново. Встать на ноги помогли врачи и... стихи. (от автора)

На минуты пошёл счёт –
и вот она, розовость щёк.
Смерть получила удар под дых...
Причастен врач Лику Святых.

ВЕЩИЙ СОН

Я – плоти своей раба,
всю жизнь ей плачу неустойку.
Уложила меня судьба
вновь на больничную койку.
Говорит мне во сне Ванька-встанька:
– А ты попробуй-ка, встань-ка!
Согни в коленочке ножку,
подтянись на руках немножко,
спусти одну и другую ногу,
и посмотри в окно на дорогу.
Теперь иди к цели своей,
и станет судьба подругой твоей.
И станет она в дороге попутчицей,
и всё у тебя получится!
...Из детства – мой вещий сон,
верю, знаю – сбудется он!

ШАМАХАНСКАЯ ЦАРИЦА *

Возлежу весь день на койке,
не могу ни сесть, ни встать...

А народ в палате бойкий, —
надо должное отдать.

Дала кличку мне сестрица:
«Шамаханская царица»!

Злую шутку поняла,
в шутке — силу обрела.

Правлю, лёжа на боку, —
я сидеть уже могу.

Рядом друг мой — «царь Додон»,
глаз с меня не сводит он,
видит горы, тень шатра...

Нету худа, без добра!

Знала бы, моя сестрица, —
помогла ты мне всерьёз

Шамаханской стать царицей!

Посмеёмся же до слёз!

Сказке дам я ход иной:

нужен мне Додон живой**.

Пусть простит меня Поэт
за весёлый «хэппи энд»!

*) Персонаж сказки А.С.Пушкина «Золотой Петушок»

***) В сказке царь Додон умирает

ЗИМНЕЕ УТРО

Больничный серенький рассвет
коснулся окон и окрасил стену.
Сам Бог мне выписал на свет рецепт —
он «серой мышке» знает цену.
За каждую светиночку цепляюсь,
ведь помирать ещё мне рановато.
Февральским светом исцеляюсь,
как где-нибудь в Арабских Эмиратах.
Короткий зимний день я пью,
продлить его хочу я очень...
И под лоскутным одеялом ночи
шепну я жизни: — Ай лав ю...

* * *

Презрев расстояния и заслоны, —
стихи читаю я по телефону.
Читаю близким и дальним друзьям,
поверяя тайны словам.
Любовь и Вера, и Надежда
в душе моей переплелись,
лишь только я прикрою вежды —
проходит предо мною жизнь...
Любовь и первое свиданье,
и первый раз без опозданья!
И первый поцелуй — куда-то в нос,
а после уж в уста, всерьёз.
Любовь без Веры невозможна,
иначе и не стоит жить.

О, как любили мы безбожно,
и это нам не повторить.
Но жизни нить истончена –
вот-вот порвётся там, где тонко.
Но говорит Надежда, как девчонка:
– Завяжет узелок весна.
О, не оставь меня, Надежда,
за твой подол я, как дитя, держусь.
Любима и люблю, как прежде,
и, может, правнука дождусь.
И, может, нить – морским узлом завяжет
мой друг, моряк, умелец и поэт.
И мне по телефону скажет:
– С тебя сто грамм,
живи сто лет!

БАЛЛАДА О РУЧЬЕ

Ручей весёлый и молодой
пел песни в лугах и в полях,
он грезил большой водой,
тоскуя о кораблях.
Мечтал он слиться с рекой
и на яхтах поднять паруса.
Он пел о волне морской,
и летела песнь в небеса.
Проторил он дорогу весне,
и был от мечты в двух шагах...
Но не стало вдруг снега в лугах,
и умер он тихо, во сне.

Цвели в округе сады,
и травам в лугах было тесно.
Умирает ручей молодым,
но бессмертна в веках его песня...

Я ВЕРНУСЬ

Когда услышу я в конце пути,
последнее Слово Его:
 «Свершилось...»*,
моё сердце замрёт в груди, –
а ведь недавно ещё билось!
Но всё ж совсем я не умру –
усну летаргическим сном,
вселившись душою
 в сосну под окном,
что одиноко стоит на ветру.
И будет чутким мой долгий сон
в новой шумной обители,
и услышу я колокольный звон
в Храме Христа Спасителя.
Забудусь я в сне счастливом,
будет славить жизнь соловей.
Я оставлю свои стихи вам –
в них вся летопись прожитых дней.
Будет петь несмолкаемо море,
исполняя мажорные гаммы,
и поющий песок под ногами
услышит мой голос в хоре.

*) Последнее слово инсуса Христа перед распятием

Ветер Века меня разбудит —
лет через сто я проснусь,
и снова к Вам я вернусь!
Верю, что так и будет!

ЭТЮД

Сижу на пяточке у мола,
и мне целует ноги море,
внимая мыслям вольным,
щекочут пятки волны.
Накрыла с головой морская пена,
и я пою так сладко, как Сирена.
Закат похож на парус алый,
и вижу я большое в малом.
...Подковой счастья окоём
в голубом лежит просторе.
Сидим на пяточке вдвоём
у мола: Я и Море.

* * *

Вся жизнь — сплошное ожиданье:
автобуса, трамвая, поезда
иль часа тайного свиданья...
Но вдруг — удар короткий ниже пояса!
Автобус сломался. Поезд сошёл с рельс,
а свиданье не состоится.
И ты, будто влёт подстреленная птица,
будто третий лишний в игре
ищешь упорно друга себе,

чтоб поплакать ему в жилетку,
ждёшь от судьбы конфетку.
Застыв перед роком в мольбе,
ждёшь обещанного три года,
ждёшь у моря погоды.
Ждёшь, ждёшь, ждёшь...
И невзначай, вдруг, поймёшь:
ожиданье не приносит вреда.
Гораздо хуже догонять поезда
иль опоздать на свиданье с любимым
и увидеть жизнь проходящую мимо.

НЕГАСИМЫЙ ОГОНЬ

Когда приходит долгожданный май,
и залиты тропинки светом,
мне кажется я попадаю в рай,
дарованный мне в детстве дедом.
Я в городе тоскую по селу,
разбередив и растревожив память...
Разворошу костра вчерашнюю золу,
увиджу, как из искры разгорится пламя
и знаменем взовьётся над Рейхстагом —
весенним майским днём,
а после уж пойдёт по кругу фляга —
за День Победы и за отчий дом,
за Русь Святую, братьев и сестёр,
под Кёнигсбергом павших, под Орлом...
Не гаснет памяти костёр,
подобно Солнцу, вечным став огнём.

ТОЧКА ОПОРЫ

«Дайте мне точку опоры,
и я переверну мир», –

сказал Архимед.

Но единой точки в пространстве нет,
а есть, просто, моря и горы,

есть поля, луга и леса,

Солнце, звезды, Луна в небесах...

Стоят дома, растут лопухи у забора...

У каждой травинки есть точка опоры,

нотный стан – опора для звука,

на букве держится слово,

для птицы – воздух основа,

а для меня в беде – плечо друга.

Но не могут все точки

совпасть во времени,

не в этом ли суть секрета?

А планета, наукой беременна,

работает на Архимеда!

Но мы не теряем надежды и веры,

что разум наш не дойдёт до точки,

и захлопнет дверь в царство Химеры.

И будут расти на Земле

и ягодки, и цветочки!

* * *

О. Коромысловой

Не разделяю взглядов я де-Сада,
тем более, романов не пишу.
В любви усладу сердцу нахожу,
вдыхая ароматы сада!
«Садистка» я, от слова сад «садить»,
но без желания кому-то досадить,
земле не причиняя боли,
я семена цветов бросаю в поле.
Принадлежу к таким
 же, как и я, «садистам»,
которые всю жизнь сады сажают,
де-Саду – Чехова предпочитают...
Вишнёвый сад расцвёл так истово!
Но оглянись мой друг назад,
когда хозяйничали на земле фашисты,
 не их ли описал де-Сад,
они ведь были настоящие садисты.
Уроки зла нам преподали,
насилуя детей, сестёр и жён.
Был мир жестокостью их поражён!
Вот вам – две стороны медали:
одна – любовью вся озарена,
другая же – во тьму погружена,
и всё сильнее нам застит свет,
 и на неё управы нет.
...Де-Сад сегодняшний предвидел день,
он знал: пороки все живучи!
Но разгонять мы научились тучи,
прохладу дарит от садов нам тень.
От яблони цветущей не отвести мне глаз,
я с ней делилась хлебом, солью,
делилась радостью и болью.
От счастья жизни я вхожу в экстаз!

* * *

Мой верный стол и лист бумаги
лежащий, как всегда, наискосок...
Они меня считают магом
и ждут моих нетленных строк.
А я лишь внемлю сердцу и уму
и поклоняюсь Богу одному.
И все мои стихотворенья –
Его творений отраженья.
Но он оставил мне на удивленье
загадки звёзд и светлячки в траве
с луной колдуньей во главе –
с ней связаны души моей томленья.
Сажусь к столу в любое время суток,
когда наступит вдохновенье,
чтобы озвучить жизни промежуток,
отпущенный Всевышним мне для пенья.
Я вспомню детства песенку простую,
подскажет море для органа мне напев,
сквозь время между строк взойду я,
сказать о самом главном не успев...

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ...

Безумными считают всех влюблённых –
не знает возраста любовь...
Дарить готовы ей «роз миллионы»
старик и юноша любой.
Наш трезвый ум любовь бранит,
за то, что глупости она творит,
не отдавая в том отчёта...

Но, может быть, она умна хоть в чём-то?
Когда ж отбросим мы категоричность,
то в каждом любящем увидим – личность!
О, как мы счастливы, когда увлечены, –
любовной дури – нет цены!
Минуты наслаждения лови
и чти великого Шекспира!
Восхищает весь мир его лира
«высшим умом любви»* .

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

Дело тонкое – Восток...
Перс любит женщину глазами,
зная, где любви исток,
он разговаривает с небесами
и красоту любимой пьёт,
вкушая медленно глотками.
Помнит он, как сладок мёд,
запечатанный мечтами.
И, обнимая гибкий стан,
называет деву розой.
– Сердца моего царицей стань! –
говорит он ей серьёзно.
И от чар её хмелея,
просит милую смелее:
– Обещай меня любить
и женою – третьей – быть...

*) Строка В. Шекспира

* * *

Если милый по душе,
мне с ним рай и в шалаше,
ну а если мил постыл, —
белый свет тогда не мил.
Без любви не сварить каши,
люб душе моей не каждый:
ни богатый, ни высокий,
ни блондин и ни брюнет.
Милый — русский, синеокий
и такого больше нет!

СЧАСТЛИВЫЕ МГНОВЕНЬЯ

Куда уходит лето?
Уходит лето в осень —
всё меньше в кронах света,
всё уже неба просинь.
Куда уходит счастье? —
В дождливый день осенний.
Его крадёт ненастье
и превращает в тени...
Но нет теней без света,
как нет зимы без снега —
давно в стихах воспеты
его краса и нега.
Замрёшь от удивленья,
увидев первый снег, —
счастливые мгновенья —
их не замедлишь бег.

Подует южный ветер,
растает снег под вечер...
Вернётся лето вновь,
как первая любовь.
Счастливые мгновенья...
Их не замедлишь бег,
замрёшь от удивленья
и не забудешь век.

ПРОПИСАН В КРАНЦЕ

Сэму Симкину

Друг покинул шумный город:
летом он живёт у моря,
делит с ним табак и чарку –
он моряк, и держит марку.
Под диктовку Музы пишет,
никого вокруг не слышит,
ничего вокруг не видит:
он – Гораций и Овидий!
Властелин веков дремучих,
был судьбой не раз он битым,
верит друг в счастливый случай,
что проснётся знаменитым.
Станет местных дев кумиром,
Кранц прославит на весь мир он!

ПОКОЙ ЕЙ ТОЛЬКО СНИТСЯ...

Светлане Белоусовой

Она работает без выходных:
и в воскресенье, и в субботу...

Удел, как видно, молодых –
трудиться весело, в охоту!

Художник, на все руки мастер,
владеет кистью и пером.

Она спешит творить добро,
в своей работе видит счастье.

На ногах – с утра до вечера,
меняет род занятий лишь.

В мимолётном – видит вечное
и дарит детям «свой Париж».

А вечером – в окошке огонёк:
она стихи читает дочери.

И жить ей помогает Блок –
поэт любимый, между прочим.

«И вечный бой...» Покой ей
только снится,

она – в полёте вольном птица!

Светлана, светлая судьбой,
горжусь тобой!

МЕЧТА УВОДИТ ДАЛЕКО

Зашла я в магазин «Напитки мира» —
там можно выбрать было всё для пира,
для свадьбы, юбилея и для тризны.
...А мне б вкусить напитки те при жизни!
Купила б я «Ямайский ром» —
его любили пить пираты, —
и были бы друзья покупке рады,
зашедшие на огонёк в мой дом.
Все веселились бы, как дети,
и вспомнили «Ямайку» — песню детства —
и подпевал бы Робертино нам Лоретти...
Ямайский ром — от всех печалей средство!
А если б стала жизнь немилой,
купила б я тогда «Текилу», —
а пьют её одним глотком —
и мир запляшет кувырком.
И стану я весёлой мексиканкой,
а, может, русской цыганкой?
Припомнив жизнь бродячую свою,
я вам про очи чёрные спою!
И чувству страсти потакая,
отправлюсь в Венгрию тайком,
скажу: — Налейте мне «Токая» —
в грехах покаюсь я потом.
Мечта уводит далеко,
Париж давно хотела я увидеть.
— О, дайте мне «Вдову Клико», —
скажу я, в ресторане сидя.
— Моё шампанское от горя лечит, —
шепнёт мне на прощание Вдова.

И будут мне её слова
напоминать о мимолётной встрече.
Рекламные плакаты украшали стены,
стараясь угодить заезжему гурману.
Меня шокировали цены –
напитки были мне не по карману.
Нездешних вин вдыхая ароматы,
покинула я магазин, шагнув в апрель.
И он мне предложил – бесплатно –
настоянный на травах фирменный коктейль.

БЕЗДНА

«Тройная бездонность дана поэтам»

Зинаида Гиппиус

Пишут о жизни бренной поэты:
терцеты, терцины и триолеты.
Тройная бездонность стихам дана,
но доступна не всем их глубина.
«Любите ближнего» – мудрый завет,
но любовь не всегда дарит нам свет.
В чужое сердце откроешь окно,
увидишь – бездонное оно!
Попробуй пролезть в ушко игольное,
в любовный попав треугольник:
трое в лодке – ты, он и она,
и лодку качает волна...
Придёт успех к тебе, наконец,
и примеришь ты славы терновый венец.

Дорога к звёздам тебе суждена,
но небо ведь тоже без дна...
Пишут о жизни бренной поэты:
терцеты, терцины и триолеты
и дарят их вам безвозмездно,
стоя у самого края бездны.

* * *

Птицам нужен прозрачный воздух,
а рыбы – к синей воде благоволят...
Мне же нужны в небе звёзды
и озарённая солнцем Земля.
Хочу я летать быстрее птицы,
как рыба нырять в глубину,
увидеть Нептуна светлицы
и прикоснуться к небесному дну.
Хочу я объять необъятное,
раздвинув зрачком горизонт...
И свидание с жизнью приятное
продлить в предутренний сон.
Увидеть хочу себя в Зазеркалье
росинкой в зелёной траве,
белым облачком в синеве
иль первой строкой в магистрале*.
Начнёт она странствий новый виток
рассветным лучом в серой мгле.
...Какое счастье – писать сонетов венок,
и босиком ходить по земле.

*) Магистрал – заключительный, 15-й, сонет в венке, с его первой строки начинается венок.

* * *

Надоело воду в ступе толочь,
я изгнала мысли из головы прочь!
И стало свято место пусто:
не голова – кочан капусты.

Стихов я больше не пишу
и свежим воздухом дышу,
брожу, как кошка – сама по себе,
во всём доверившись судьбе...

Собираю хохмы и сплетни
и смеюсь над собой без грусти,
застыв у черты последней...

Вдруг слышу,
 плачет душа в капусте,
о ней я совсем забыла,
а она ведь меня любила,
и простила мне все грехи.

... И потекли вновь в тетрадку стихи...

* * *

Люблю я многоцветье русской речи –
от междометий до наречий.
Ведь словом можно душу озарить!
Словами не привыкла я сорить.
Существительных ценю я суть,
но более всего люблю глагол!
Читатель мой – меня не обессудь:
забьёшь в свои ворота гол.

Когда ко мне приходит муза,
мы обсуждаем с ней союзы
Они – связующая нить времён.
Союзу «и» обязаны она и он.
Не важно, кто они: Иван или Марья.
Живут местоименья без имён,
их с охотой принимаю в дар я,
расширяя слов диапазон.
Нам не прожить без междометий:
как передать нам чувств накал?!
Тротиловый заряд в предмете,
когда кричу я гневно: – О, нахал!
Не обхожусь в своей я речи
без прилагательных, наречий...
Их за любовь друг к другу я ценю,
все мысли прочие гоню!
Сияет слово тысячами радуг
в оттенках тёмных – гнев,
а в светлых – радость.
Им кризис не грозит: открыта касса,
в наличии слова любых окрасов.
Найдёшь их в книгах, словарях –
они стоят, как корабли на якорях...
Их отправляю в дальние края,
свой долг верну стихами я.

* * *

Знаю жизнь свою всю наизусть.
Помнят след мой дороги России –
пройден длинный, нелёгкий путь –
собираю последние силы.

А жизнь течёт своим чередом:
все спешат по делам,
на работу.

Тихой пристанью стал мой дом,
и каждый день у меня – суббота.

Телефонную трубку сжимаю в руке,
выхожу я на связь с миром.
Звучат голоса друзей вдалеке
и рядом, в соседней квартире.

Слышу слова любви и участия
в знакомых родных голосах.
Вот он – белый квадрат счастья,
жизни светлая полоса!

Гудят незримые провода,
я рада любой оказии...
Звоню друзьям, как всегда,
и говорю им, прощаясь:
– До связи!

ОБ АВТОРЕ

Самусевич Альбина Григорьевна родилась в 1935 году в Нижнем Новгороде в семье рабочего. Она окончила Минский госоударственный медицинский институт в 1959 году, работала врачом в Белоруссии (г.Слуцк Минской обл.), на Камчатке, в Мурманской области, с 1971 года – в Калининградской области (г. Балтийск), и с 1980 года в Калининграде, где возглавляла эндоскопическое отделение областной больницы. С 2003 года не работает, занимается творчеством.

А.Г.Самусевич – член Союза российских писателей, автор более десятка поэтических книг («Утренний обход», «Дайте женщине сад», «Под музыку дождя», «Сад камней» и др.) и книги прозы «Услышать друг друга. Записки врача». Ее стихи переводились на немецкий, польский и литовский языки и печатались в Польше, Германии, Литве. Стихотворение «Сходящему на берег» включено в антологию мировой поэзии «Гении рифмы. 500 лучших стихотворений мировой литературы» (Симферополь, 1998 г.), циклы стихов вошли в «Антологию калининградской поэзии», сборник «Эхо войны» и «Солнечное сплетение» в 2005 году. В 1996 году вышла книга памяти к 100-летию со дня рождения С.А.Есенина, составленная Альбиной Самусевич, «Венок Есенину», которую читатели подарили Музеям Сергея Есенина в Москве, Липецке, селе Константиново.

Альбина Григорьевна пишет стихи и для детей, она частый гость в школах и библиотеках Калининграда и области, ее творчество включено в школьную программу 8-11 классов, стихи вошли в хрестоматию «Калининград литературный».

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	3
ПЕСНИ СЕРДЦА	
Поющий песок	6
«Легки, как лодки, дома на песке...»	6
«Под ветхим пологом синих небес...»	6
«По воле бесов шторм разбужен...»	7
«Стирает море времени следы...»	7
«Гостеприимный дом у дюн...»	7
«Застыл корабль на горизонте...»	8
Светлогорск	8
Вдохновение	8
Мертвый лес	9
Узы дружбы	10
Орифмах и не только... ..	11
«Уходит в века окоем...»	11
Родные места	12
Новоселье	12
Парад Победы на Красной площади	13
Свет-Россия	14
Воспоминание	14
После дождя	15
Коронация любви	16
«Не просила тебя о встрече...»	16
Желание	17
Весенняя мелодия	17

Слово о соловьях	18
Вчера и сегодня	19
Главный приз	20
История любви	20
Полнолуние	21
Для себя и для всех	22
Встреча с морем	23
Лунная антология	23
Утренняя песня	24
Диалог с чаем	25
На качелях	26
Пролёты лестниц	26
Цветок на камне	27
Рождение истины	28
Земляника под снегом	29
Во сне и наяву	30
Третье око	31
О стихотворчестве	31
О культуре	32
Стихи в стол	33
Родная речь	34
Мысли вслух	35
Две притчи	36
Басня	37
Хору «Кредо»	38
Поэт и женщина	39
Юбилейное	40
Ирисы	41
Преодоление пути	42
Поверь в себя	43
«Всё моё ношу с собой...»	44
Чудеса в решете	45
«Пространство комнаты моей...»	45

СИЯНИЙ СЕВЕРНЫХ ВОЛНА...

Белая тьма	48
Видеоклип	48
Начало зимы	49
«Сияний северных волна...»	49
Кораблик любви	50
Под знаком белых гладиолусов	51
Вечер вдвоём	51
Попутал бес	52
Линии судьбы	53
За околицей	54
Записки с моря	54
Точки соприкосновения	55
«Не навреди...»	56
Друг юности моей	56
Зальцбург	57
Подарок дочери	58
Ода дивану	59
В день рождения	60
Мелочи жизни	60
Песни сердца	61
Попытка автопортрета	62
Врач. Венок сонетов	63

ОДА ИМЕНИ

Памяти Марины Цветаевой. Триптих	76
Помни имя своё	78
«Я счет веду от безымянных...»	79
Человек родился	80
АВ ОВО	81
У истока имени	81
Именитый род	82
Нам – Россия имя	83

«Женщина, держащая плод»	84
«Автопортрет с Изабеллой Брандт»	84
«Подсолнухи»	85
«Петр I»	86
В родной больнице	87
Натали	87
Иваны... ..	88
«Озабоченный»	89
Гиацинт	90
К портрету Федора Тютчева	91
Встреча с Всеволодом Азаровым	91
Слово о женщине	92
Вопрос без ответа	93
«В неё поэты были влюблены...»	94
Память сердца	95
Адель	95
Двое	96
Поэту моря и любви	97
Узелок на память	97
Памяти друга	98

МЕСТНАЯ ЭКЗОТИКА

Роман с камнем	100
На озере	101
Тропинка в лето	101
После болезни	102
Персидский чай	102
Поэт и кот	103
«Цветёт василёк во ржи...»	104
Лесная тишина	104
Далеко от Москвы	105
«Не знаю, чем меня прельстил лопух...»	105
Житейский урок	106
Святая ложь	106

На заслуженном отдыхе	107
«Подружилась я с Бытовухой...»	107
«Коль дела мои плохи...»	108
Мы вышли из шестидесятых...	109
Мадригал	110
Мама рассказывает	110
Дружеский союз	111
Рукотворная лужайка	112
Ода человеку	113
Алло, алло!	113
Золотая рыбка	114
Белая книга зимы	114
Утренние стихи	115
Янтарная роза	116

ИГРЕ ВСЕ ВОЗРАСТЫ ПОКОРНЫ

Орел иль решка?	118
Опасные игры	119
Игрок	120
Гений – игрок!	121
Байкеры	122
Игра на барабанах	122
Трофейное кино	123
Забытая игра детства	124
Детский портрет	125
Белая ворона	125
Аз, буки, веди...	126
Взгляд со стороны	126
Игра в прятки	127
«Не думала, что мне на склоне лет...»	128
«Я вновь осталась в дураках...»	129
«Любимая игра – абракадабра...»	129
Большой футбол	130
Капризы афоризмов	131

БЕЛЫЙ КВАДРАТ

Остановись, мгновенье!	136
«Вещь в себе»	136
Четыре возраста любви	137
Белый квадрат	139
«Была вчера ещё я орлицей...»	139
Между жизнью и смертью	140
Вещий сон	141
Шамаханская царица	142
Зимнее утро	143
«Презрев расстояния и заслоны...»	143
Баллада о ручье	144
Я вернусь	145
Этюд	146
«Вся жизнь – сплошное ожиданье...»	146
Негасимый огонь	147
Точка опоры	148
«Не разделяю взглядов я де-Сада...»	149
«Мой верный стол и лист бумаги...»	150
Ещё раз про любовь	150
Персидские мотивы	151
«Если милый по душе...»	152
Счастливые мгновенья	152
Прописан в Кранце	153
Покой ей только снится	154
Мечта уводит далеко	155
Бездна	156
«Птицам нужен прозрачный воздух...»	157
«Надоело воду в ступе толочь...»	158
«Люблю я многоцветье русской речи...»	158
«Знаю жизнь свою всю наизусть...»	160
Об авторе	161

Альбина Григорьевна Самусевич

КОРОНАЦИЯ ЛЮБВИ

Стихи

Художник С. Белоусова

Технический редактор Л.Фролова

Компьютерный набор:

О.Миненко

Е.Пялова

Издательство «Кладезь»

тел. (4012) 93-34-07

e-mail: kladez@gazinter.net

150-00

Отпечатано в типографии

Тип. ИП Старкова Л. А.

Св-во 1553. ИНН 390700080945

г. Калининград, ул. Больничная, 45

Заказ № 1915. Тир.300 2009 г.

Я - майская ветка,
ты - осени сад.
Я - чуткое веко,
ты - любящий взгляд!
В веках я - рабыня -
целую твой след.
Ты - звонкое имя,
я - имени свет!

А. Самусевич

Издательство "Кладезь"
Калининград
2009